

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-30-65

© М. А. ФРОЛОВ

Н. К. ГУДЗИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК: К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧАСТЬ 2: 26 НОЯБРЯ 1924 ГОДА — 7 ДЕКАБРЯ 1928 ГОДА*

Продолжая во второй части настоящей статьи публикацию материалов, отражающих многолетнюю работу Н. К. Гудзия в Государственной Академии Художественных Наук (далее — ГАХН) и охватывающих на сей раз период с ноября 1924 года по декабрь 1928 года, заметим, что одни его доклады представлены либо тезисами, либо протоколами, а другие документированы максимально полно. Укажем также на те из них, что оказались за рамками публикации. На сегодняшний день нам не удалось выявить никаких материалов, кроме минимальных упоминаний в протоколах, повесток, сведений о содокладчиках или более информативных источников — программ литературных вечеров с артистической или музыкальной частью (в том случае если мероприятие имело именно такой формат), относительно следующих выступлений: «Литературная деятельность декабристов», «Поэты пушкинской плеяды» (28 января, 18 мая 1926 года), «Гоголь и русские символисты», «Памяти Шевченко», «Обзор новейших работ по древней литературе», вступительное слово на «вечере поэзии 1840-х гг.» (14 марта, 17 апреля, 31 октября, 19 декабря 1927 года), «Путь поэта (о Федоре Сологубе)», «Чернышевский как критик» на объединенном заседании Пленума Литературной секции (далее — ЛС) и Общества любителей российской словесности к 100-летию Н. Г. Чернышевского, а также речь на Торжественном совместном заседании ЛС, Общества любителей российской словесности и Общества им. А. П. Чехова к 25-летию со дня смерти писателя (6 февраля и 29 ноября 1928 года, 13 ноября 1929 года).

Большинство из них, за исключением двух — посвященных Т. Г. Шевченко и обзору новейших работ по древнерусской литературе, — являлись не научными докладами, а вступительными словами, речами на литературных вечерах или торжественных заседаниях. Именно эти мероприятия, как становится ясно из фронтального просмотра материалов о деятельности ЛС, зачастую не находили своего отражения в протоколах, а тезисы секретарю секции докладчиком не предоставлялись и, конечно, не могли быть обнаружены нами.

Что касается вечера памяти Федора Сологуба в феврале 1928 года, то, по нашему осторожному предположению, единственный источник, который может дать представление о содержании речи Гудзия, — это автограф, сохра-

* См.: Фролов М. А. Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года // Русская литература. 2023. № 2. С. 29–50.

нившийся в его личном архиве в РГБ, план-конспект, набросок к публичному выступлению о Сологубе. Он находится в комплекте подготовительных материалов к работам по истории русского символизма, а «прототекстами» для него послужили статьи «Творимое творчество» Ан. Н. Чеботаревской и «О Сологубе, Недотыкомке, Гоголе, Грозном и пр. (Критико-психологический этюд)» В. Ф. Боцяновского. Вероятнее всего, Гудзий пользовался сборником «О Федоре Сологубе», составленным Чеботаревской (1911).¹

Доклад «Памяти Шевченко» (вариант названия: «Шевченко и русская литература») 1927 года, тезисы которого не сохранились, как и протокол заседания, на котором он прозвучал, без сомнения, имеет прямую связь со статьей Гудзья «Письма Шевченка к С. Т. Аксакову». В ней были опубликованы три письма Шевченко из аксаковской части рукописного собрания ГАХН, которые ученый охарактеризовал следующим образом: «Несомненная ценность этих писем прежде всего в том, что они освещают не вполне изученный период творчества Шевченка, когда он дебютировал в русской прозе. Из них с очевидностью явствует, как энергично стремился Шевченко не только к тому, чтобы овладеть великорусским литературным языком, но и к тому, чтобы писать свою художественную прозу на этом языке».²

В отношении материалов объединенного заседания Подсекции истории русской литературы и Фольклорной подсекции ЛС 7 мая 1928 года мы приняли следующее решение. Сохранился его совсем краткий протокол, но ни тезисов основных докладов (отсутствуют они и в общей их «подшивке» за этот период) — Гудзья и Ю. М. Соколова — с разбором книги П. Н. Сакулина «Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей. Ч. I. Литературная старина» (М., 1928), ни их участия в дальнейшей дискуссии он не зафиксировал, поэтому в настоящей статье текст его мы не приводим.³

* * *

26 ноября 1924 года на заседании Подсекции критики и литературоведения ЛС прозвучал доклад Гудзья «Дружинин как литературный критик». Полный его текст сохранился в личном архиве ученого. Приведем фрагменты

¹ Считаем важным процитировать начальные строки этого автографа, представляющие собой авторский текст Гудзья (далее в автографе он практически неотделим от цитат из упомянутых статей): «В истории русск<ой> поэзии последних десятилетий — фигура Сологуба одна из наиболее сложных, загадочных и противоречивых. Необычна, прежде всего, его биография. Сын портного и кухарки, воспитанник <учит<ельского> института, учитель в Крестцах Новг<ородской> губ<ернии> (3 г.), Великих Луках (4 г.), Вытегре (3 г.). Инспектор городского училища. В 1907 г. пенсия. <...> Зачинатель русского символизма, мало кому известный, не кричащий <...> Он нашел свой писательский путь, как не начинающий, а уже вполне определившийся писатель. С самого начала и в расс<азе> „Тени“ и в романе „Тяжелые сны“, и в ранних книгах стихов звучали те мотивы и темы, которые надолго определили Сологуба в сознании читателя как декадента по преимуществу, сатаниста, глумящегося над жизнью и славящего смерть. Встречался глумлением и в лучшем случае — недоумением. Сравнение с Бальмонтом и Брюсовым. И только „Мелкий бес“ — 1907 г. выдвинул С<ологуба>» (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 10. Л. 75–75 об.).

² Гудзий Н. Письма Шевченка к С. Т. Аксакову // Искусство. 1927. Т. III. Кн. 2–3. С. 157.

³ См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 56. Л. 11–11 об. В архиве Гудзья имеется черновой автограф заметок с анализом обеих частей этого труда Сакулина (вторая часть под названием «Новая литература» была опубликована в 1929 году), который можно датировать второй половиной 1950-х годов — текст записан на оборотных страницах машинописи текстологического комментария к роману Л. Н. Толстого «Воскресение». В каком именно издании он увидел свет, установить не представляется возможным, но, судя по ссылкам на «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого» (1955), наша датировка автографа Гудзья правильна. Вероятно, эти заметки каким-то образом содержательно соотносятся с выступлением ученого в ГАХН, несмотря на разделяющие их три десятилетия (Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ. Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 10–12).

отчета о деятельности ЛС: «В связи с исполнившимся в октябре 1924 г. столетием со дня рождения А. В. Дружинина, Н. К. Гудзием был прочитан доклад (26-ХІ) на тему „Дружинин как критик“. Дружинин был обрисован как добросовестный популяризатор иноземных литератур, преимущественно английской; главной же заслугой его были признаны ценные статьи о Пушкине и русских классиках середины столетия. Будучи врагом искусства тенденциозного, Дружинин не стоял за исключительность „чистого искусства“ и даже признавал дидактизм, если он вытекал из природных свойств данного автора. Особенно ценно учение Дружинина о писательской энергии («необходимо петь во весь голос»). Недостатками этого критического творчества следует признать некоторую вялость темперамента и отсутствие в его творчестве определенного философского миросозерцания».⁴

К столетнему юбилею писателя, когда исполнилось и шестьдесят лет со дня его кончины, литература о нем, крайне медленно пополнявшаяся, насчитывала незначительное количество публикаций, равно как и число выходящих в свет изданий произведений и эпистолярного наследия Дружинина было ограничено. Гудзий недаром ставил своей задачей, помимо исследовательских, историко-литературных целей, напомнить собравшимся о творчестве ярко о себе заявившего в конце 1840-х годов писателя и критика. Период его литературной активности уместился всего в пятнадцать лет (из них шесть лет критика составляла центральную часть его работы), но все это время он оставался в центре внимания как литераторов, так и читателей.

Доклад Гудзия ознаменовал собой завершение отчетливого периода в одно десятилетие, когда публикации о Дружинине не выходили в свет, и незадолго до того момента, когда на рубеже 1920-х и 1930-х годов в печати вновь стали появляться работы, если не напрямую посвященные ему, то так или иначе упоминающие его имя. Напомним некоторые существенные статьи первой четверти двадцатого столетия, которые не могли не обратить на себя внимание Гудзия.

Одна из ранних попыток в научной литературе охарактеризовать Дружинина-критика — глава в «Истории русской литературы XIX столетия» Н. А. Энгельгардта (1903): «Отношение к Дружинину установилось в литературе достаточно поверхностное, как к блестящему фельетонисту, которым он и был, конечно. Но рядом находим в нем и чрезвычайно просвещенного критика <...> серьезные критические статьи Дружинина о явлениях словесности 50-х годов составляют целый том в его собрании сочинений, характеристики Дружинина блестящи и часто глубоки <...> Он требовал той черновой разработки литературной эволюции, которая одна дает возможность правильно оценить все ее крупные и мелкие явления — разработки историко-хронологической».⁵ Представляет особый интерес и цитируемая Гудзием статья С. А. Венгерова «Дружинин». Мысли, высказанные автором на первых же страницах, перекликаются с содержанием доклада Гудзия, в особенности — те, что касаются судьбы наследия Дружинина, истории его восприятия читателями, критиками и историками литературы: «Странное положение занимает Дружинин в кругу писателей. С одной стороны, он, бесспорно, принадлежит к наиболее выдающимся именам новейшей русской литературы <...> И тем не менее Дружинин очень скоро перешел в разряд мало или почти никем не читаемых авторов, известных исключительно по преданию».⁶

⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 49. Л. 35.

⁵ Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия. СПб., 1903. Т. 2. 1850–1900 (Критика, роман, поэзия и драма). С. 60–61, 64.

⁶ Венгеров С. А. Дружинин // Венгеров С. А. Собр. соч.: [В 5 т.]. СПб., 1911. Т. 5. Дружинин. Гончаров. Писемский. С. 1–2 (впервые: Вестник Европы. 1895. Кн. 1. С. 81–100).

В третьей статье — «Забытые критики» А. В. Круковского — освещались специфические особенности критического дарования Дружинина, обусловившие, в свою очередь, и некоторые его недостатки: «Художественный дилетантизм, навеянный отчасти влиянием английской литературы, в которой Дружинин изучал явления второстепенной важности, оказал значительное влияние на направление его критики <...> Отсутствие широких общеевропейских перспектив или... художественной высоты... наложило свой отпечаток на критическую мысль Дружинина <...> Это тем досаднее, что в Дружинине нельзя отрицать литературного понимания явлений и эстетического вкуса. Многие выводы критика поражают своей пронизательностью и меткостью, но при всем том Дружинину чужды более широкие светлые горизонты <...> То немногое, чем он располагает на своей критической палитре, он умеет облекать в простые, подчас искренние мысли, умеет благоразумием и трезвостью суждений, в общем не особенно глубоких, расположить к себе непредубежденного читателя». Круковский справедливо относил Дружинина к представителям «общелитературного направления» в русской критике, «не порывавшего связи с традициями западноевропейской литературы». Перекликается с докладом Гудзия и утверждение, что «критик далек от идей века, чужд тем литературным течениям, в которых заключались источники обновления нашего общества», что в свою очередь объясняет отсутствие «исторической перспективы» и представления о «литературной эволюции» в его статьях.⁷

Процитированные нами три работы были единственными на тот момент опытами систематического и аналитического обзора наследия Дружинина (в особенности его литературно-критической части), предшествующими докладу Гудзия. Именно на них ученый опирался и от их основных положений отталкивался, соглашаясь или вступая с ними в спор, чтобы сказать о писателе и критике то новое, что позволяла сделать значительная временная дистанция в шестьдесят лет.

Упомянута в докладе и показательная для истории восприятия творчества Дружинина статья А. И. Кирпичникова «Забытый талант» (1884),⁸ автор которой преследовал, по сути дела, ту же цель, что и сорок лет спустя, на новом этапе и в новых обстоятельствах — Гудзий.

Протокол № 3 заседания Отдела критики и литературоведения
Литературной секции от 26 ноября 1924 г.

Присутствовали: П. Н. Сакулин, Б. В. Горнунг, А. И. Кондратьев, М. А. Цявловский, Н. К. Пиксанов, Л. П. Гроссман, Н. П. Кашин, Н. К. Гудзий, И. Л. Поливанов и лица, приглашенные на заседание.

Председатель П. Н. Сакулин

Секретарь А. И. Кондратьев

<...>

П. Доклад Н. К. Гудзия на тему «Дружинин как критик».

Сакулин П. Н., предоставляя слово докладчику и напоминая собранию о предшествовавшем постановлении Отдела, сообщает, что доклад Н. К. Гудзия был поставлен по случаю исполнившегося в этом году столетия со дня рождения А. В. Дружинина.

⁷ Круковский А. В. Забытые критики (К 50-летию смерти А. В. Дружинина и Ап. А. Григорьева) // Русский филологический вестник. 1916. № 1–2. С. 65–68. Круковский, по сути дела, отказывал Дружинину в том, что ставил ему в заслугу Энгельгардт.

⁸ Кирпичников А. И. Забытый талант // Исторический вестник. 1884. Т. 16. Кн. 4. С. 34–55 (перепеч.: Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. 2-е изд., доп. М., 1903. Т. 1. С. 290–314).

Гудзий Н. К. в начале своего доклада отметил, что доклад вызван не только столетием со дня рождения А. В. Дружинина, но также и насущной потребностью напомнить о забытом критике, забытом, по крайней мере, потомством. В дальнейшем докладчик устанавливает следующие положения:

Несмотря на сравнительно большой период времени, который отделяет нас от эпохи деятельности Дружинина, литература о нем, появившаяся за этот период, очень незначительна. Можно назвать работу Венгерова и тричетыре других, менее значительных исследования. Между тем в свое время Дружинин был весьма заметной величиной в нашей литературе. Выступив на литературном поприще с повестью «Полинька Сакс», тепло принятой публикой и критикой, Дружинин впоследствии мало ею интересовался, что объясняется значительным распространением в широких читательских кругах последних сочинений Жорж Санд.

В самом начале пятидесятых годов Дружинин выступает перед читателями «Современника» со статьями по западно-европейской литературе, главным образом, английской, составившими у нас в некотором смысле эпоху и не только в литературе, но и в педагогике. По справедливому замечанию Кирпичникова, эти статьи, несомненно, оказали влияние на открытие у нас кафедр по западноевропейской литературе.⁹

В это же время Дружинин помещает в том же «Современнике» свои знаменитые «Письма иногороднего подписчика», которые давали повод считать Дружинина первым критиком того времени и преемником только что сошедшего со сцены Белинского. Одновременно с «Письмами иногороднего подписчика» Дружинин выступает в «Современнике» с «Сентиментальным путешествием Чернокнижника».

И «Письма», и «Чернокнижников» писались Дружининым в легкой фельетонной форме, без определенных задач и без исчерпывающей полноты поставленной цели. В них Дружинин говорит, что он не имеет горячей привязанности к литературе и смотрит на нее равнодушно, с некоторой долей любопытства. Он резко высказывается против тогдашней полемики в литературе, относясь к этим спорам равнодушно, с чувством некоторого пренебрежения и ставя себя выше таких споров. Не менее резко высказывается Дружинин и о тогдашней литературной партийности и нетерпимости.¹⁰

Чуждый и равнодушный к основным вопросам, которые тогда обсуждались в литературе, Дружинин во всех своих статьях щеголяет знаниями, европейскою образованностью, злоупотребляя в то же время западноевропейскими параллелями, и недостаточно верно освещает значение русской литературы.

Так было до 1856 г., когда Дружинин стал во главе одного из больших журналов того времени, «Библиотеки для чтения», с которым Белинский и «Современник» вели ожесточенную борьбу. Этот год Венгеров справедливо считает переломом и в русской жизни, и в литературе. Такой же перелом про-

⁹ Ср.: «...Дружинин принес косвенно пользу нашей науке, нашим университетам: 10 лет в двух популярнейших журналах человек пробуждал интерес не только к Шекспиру и Вальтеру Скотту, но и к Босвелю и даже к романам XVI и XVII веков <...> в том, что основание новой кафедры — истории всеобщей литературы — было так сочувственно принято нашим обществом и печатью, мы видим отчасти результат деятельности Дружинина» (*Кирпичников А. И. Забытый талант*. С. 40).

¹⁰ Сходные оценки находим и в работе Венгерова, который считал главной причиной такого отношения Дружинина к текущей литературной жизни тот факт, что он стал ее непосредственным участником в момент, когда наполненные высоким культурным смыслом литературные встречи и собрания, дискуссии и споры старшего поколения литераторов уходили в прошлое: «Дружинин более других нуждался именно в такого рода бурных, страстных дебатах, которые расшевелили бы его дилетантскую натуру, которые уничтожили бы его индифферентизм, главным образом вытекавший из его аристократического дэндизма, из его отвращения к шуму и сутолоке» (*Венгеров С. А. Дружинин*. С. 11).

изошел и в деятельности Дружинина. Начиная с конца 1855 г. он помещает в «Библиотеке для чтения» ряд критических статей о наиболее выдающихся наших писателях. В этих статьях, которые ныне составляют 7-й том собрания его сочинений, Дружинин высказал очень много верного и важного для нашей литературы. В них он изложил свои основные взгляды на задачу литературной критики и поэзии. Наиболее важными из них нужно считать статью о критике Гоголевского периода и о сочинениях Белинского.¹¹

Воспитанный в аристократическом духе и широко осведомленный о западноевропейской литературе, Дружинин во многих случаях смотрит на наши литературные и житейские факты с точки зрения европейского просвещения, что, к сожалению, сказалось и на оценке этих фактов.

Основной чертой творчества Дружинина является враждебность к сентиментализму и дидактизму в литературе. Эта антипатия сказалась в статье о Пушкине. За пристрастие к сентиментализму достается Огареву и Полежаеву, писателям, по мнению Дружинина, 2-го разряда. В их творчестве он видит душевную дряблость и неустойчивость. Ни тот, ни другой не обладают поэтической энергией, которая свойственна всякому истинному поэту и которой Дружинин придает важное значение. В статье о критике Гоголевского периода изложено отрицательное отношение критика к дидактизму, с которым Дружинин боролся на протяжении всей своей литературной деятельности. В этой статье, направленной не только против Белинского, но и вообще против так называемой тенденциозной литературы того времени, Дружинин отметил несколько литературных ошибок Белинского, сделанных последним в отношении Пушкина, Марлинского и др. Правда, отзывы эти по отношению к Белинскому весьма сдержанны. Вместе с тем, в этой статье были отмечены очень важные заслуги Белинского перед русскою литературою, в том числе заслуги исторического характера, по пересмотру отношений ко многим литературным именам. Когда вышли из печати первые три тома сочинений Белинского, Дружинин вновь написал о нем восторженную статью, подчеркнув в ней свое глубокое уважение к знаменитому критику и отметив свои ошибки, сделанные им по отношению к Белинскому в статье о критике Гоголевского периода. В последней статье были упомянуты и выделены статьи о Гоголе и театре. В этих статьях Дружинин усматривал, насколько Белинский глубоко постигал драматургию и театр, чего не было у других критиков.

Дружинин не был поклонником чистого искусства, в силу чего он приветствовал как выдающиеся явления в нашей литературе творчество таких писателей, как Щедрин, Толстой, Писемский.¹² Под дидактизмом же он понимал только намеренное извращение действительности, искусственно созданное отношение к окружающему миру. Взгляды свои на дидактизм он изложил в своей статье о Марко Вовчок.¹³ Дидактизм его огорчает не потому, что наша

¹¹ [Дружинин А. В.]. 1) Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения [Статьи I–II] // Библиотека для чтения. 1856. № 11. Отд. V. С. 1–30; № 12. Отд. V. С. 31–64 (подп.: Редактор); 2) Сочинения Белинского, томы 1, 2 и 3. Москва 1859 г., издание Солдатенкова и Щепкина // Там же. 1860. № 1. Отд. III. С. 1–42 (подп.: Ред.).

¹² Статьи Дружинина о повестях Толстого «Метель» и «Два гусара», его же «Военных рассказов», «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина, «Очерках из крестьянского быта» и романе «Тысяча душ» Писемского появились на страницах «Библиотеки для чтения» в сентябре и декабре 1856 года, январе 1857 года и феврале 1859 года.

¹³ [Дружинин А. В.]. Украинские народные рассказы Марко Вовчка // Библиотека для чтения. 1859. № 11. Отд. IV. С. 1–14 (подп.: Ред.). Ср., в частности: «Спросите у каждого из умных людей, глубоко преданных делу эмансипации, что он думает о дидактически-обличительной литературе по части крестьянского дела, и постоянно вы получите ответ один и тот же: „Грязь, болтовня неумелых людей, вздорная рапсодия писак ничего не знающих“. Самый зоркий из спрошенных, может быть, прибавит к этому: „бесплодная возня с исключительными явлениями, помимо настоящей сущности дела“».

беллетристика чересчур натуралистична, а тем, что она книжна и не вытекает из органического наблюдения над фактами жизни, что имеется в творчестве Толстого, который внимательно наблюдает окружающую действительность. Кроме того, в дидактизме намечается, по его мнению, немало шаблона, который очень часто переносится из одного произведения в другое.

Не питая симпатий к искусству отвлеченному, Дружинин в то же время полагает, что настоящий художник тот, который пишет то, что им самим глубоко пережито, даже и в том случае, если его влечение будет дидактично.

Выдержкою из статьи об Огареве¹⁴ вновь подчеркивается необходимость для поэта обладать поэтической энергией, без которой не может существовать истинная поэзия. — «Необходимо жить и петь во весь свой голос». Это замечание Дружинина очень ценно и справедливо, так как оно касается самой сущности поэтического творчества и им глубоко продумано.

В статье о Пушкине Дружинин высказал ряд метких замечаний о творчестве писателя, которого он ставит в один уровень с мировыми гениями. На большую высоту ставятся Дружининым последние произведения поэта, о которых в то время принято <было> говорить как о незначительных достижениях. Статья написана в лирическом тоне и свидетельствует о любви Дружинина к русской литературе.¹⁵

В выявлении творчества Толстого Дружининым сделано то же самое, что сделано Белинским в отношении Достоевского. Тургеневу посвящена большая статья, где имеется ряд тонких наблюдений критика. Сделанные им об этом писателе выводы приняты в настоящее время многими писателями — Истомин и др. Творчество Гончарова, Островского и Писемского получают у Дружинина исчерпывающую оценку, правда, эти оценки потом были полностью покрыты другими критиками — Аполлоном Григорьевым, Добролюбовым, но творчеству Фета и до сего времени никто не дал такой яркой характеристики, как это сделал Дружинин, который в этом отношении не превзойден до сих пор.¹⁶

Когда приходится перечитывать статьи Дружинина, вы видите перед собою чрезвычайно умного и эстетически образованного писателя. Со многими положениями его можно согласиться, но, в общем, эти статьи не волнуют, не захватывают вас, как, например, статьи Ап. Григорьева. Отчасти это можно объяснить ровностью и спокойствием стиля Дружинина, у которого фразы как-то выложены. В его творчестве вы не чувствуете особого подъема, глубокого и внутреннего интереса, как это наблюдается у того же Ап. Григорьева.

¹⁴ [Дружинин А. В.]. Зимний путь. Поэма Н. Огарева: [Рецензия] // Там же. 1856. № 5. Отд. V. С. 19–30 (без подп.).

¹⁵ [Дружинин А. В.]. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений [Статьи I–II] // Там же. 1855. № 3. Отд. III. С. 41–70 (подп.: Д.); № 4. Отд. III. С. 71–104. См., в частности: «По некоторым качествам повествователя, как то: по способности замысла, по обилию поэтического чутья, облагораживающего каждый предмет, взятый истинным повествователем, Александр Сергеевич не имел поэтов себе равных между величайшими поэтами нашего столетия <...> по сочинению своих повествовательных вещей Пушкин превосходил и Байрона, и Мура, и Ламартина, и Красса, и Вордсворта, и Кольриджа, и Гейне. Смею спросить, в какой литературе за последние годы можем мы найти план поэмы, подобный плану „Цыган“, по своей простоте, замысловатости и возвышенной мысли так тесно слившейся со всею ее постройкою? „Онегин“, задуманный в то время, когда наш поэт находился под влиянием Байрона, „задуманный более для отступления, чем для самого рассказа“, в целом представляет один из замечательнейших романов, когда-либо пришедших на мысль самым высокодаровитым писателям» (цит. по: Дружинин А. В. Прекрасное и вечное / Вступ. статья и сост. Н. Н. Скатова; комм. В. А. Котельникова. М., 1988. С. 84–85).

¹⁶ [Дружинин А. В.]. 1) Повести и рассказы И. С. Тургенева [Статьи I–III] // Библиотека для чтения. 1857. № 2. Отд. V. С. 21–48; № 3. Отд. V. С. 1–38; № 5. Отд. V. С. 1–44; 2) Сочинения Островского // Там же. 1857. № 8. Отд. III. С. 1–42 (подп.: Ред.); 3) «Обломов»: Роман И. А. Гончарова // Там же. 1859. № 12. Отд. IV. С. 1–42 (подп.: Ред.); 4) Стихотворения А. А. Фета // Там же. 1856. № 5. Отд. V. С. 1–19 (без подп.).

Кроме того, в его творчестве не содержится определенного философского мирозерцания. Правда, оно не обязательно для критика, но когда его нет в творчестве, последнее быстро поглощается другими критиками.

Необходимо отметить еще одну особенность в творчестве Дружинина, которая тоже повлияла на скорое забвение писателя. Дружинин не высказался ни об одном писателе по совокупности творчества. У него нет также оценки выдающихся произведений писателей. Высказываясь неоднократно о Тургеневе, Островском, Толстом и др., Дружинин не пытался оценить творчество кого-нибудь из них в целом.

Дружинин скончался довольно молодым, ему было всего 40 лет, но как критик он сошел со сцены четырьмя годами ранее естественной смерти. В памяти его современников сложилось впечатление, что критическая деятельность его продолжалась всего 6–7 лет, и она не была устремлением всей его жизни. Более подробно выяснить различные точки зрения Дружинина, высказанные им в фельетонах, в данном случае не представляется возможным и не составляет задачу доклада.

В заключении необходимо отметить, что Дружинин не волновал умы современников, не вращался в круге больших вопросов, как это было с Писаревым и Добролюбовым, которые имели свое мирозерцание. Но и при такой оговорке память о творчестве Дружинина должна быть сохранена на долгие годы, так как он оказал и своему потомству и нашей литературе неизгладимые услуги.¹⁷

Пиксанов Н. К.: <...> Несомненно, было что-то в самом писателе, в существе его творчества, что вызвало забвение, до некоторой степени обуславливало его. Оглашенные докладчиком некоторые выдержки о Полежаеве, Фете и др. писателях расплывчаты, рыхлы, в них, как и в других статьях Дружинина, не чувствуется основного стержня <...> Воскресенье Дружинина возможно только на основах эстетического вкуса. Кто хочет этого воскресенья, тот должен тщательно отобрать из 8 томов творческие крупы и вычеркнуть все остальное, выбрать так, чтобы эти крупы заиграли как самоцветные камни. К таким драгоценностям нужно отнести замечание критика о прозе Пушкина и другие тонкости. Это дало бы возможность глубоко почувствовать аромат творчества лучших писателей и выгодно отличить его замечания от эстетического безвкусица Чернышевского и др. <...> Докладчик сосредоточил свое внимание главным образом на личности Дружинина, на специфических свойствах его критики и не коснулся историко-социологической стороны вопроса, которая для понимания Дружинина имеет большое значение. Дружинин имеет ту особенность, что в литературе он отличается эстетизмом, а в политике — консерватизмом. Критика Дружинина есть дворянская критика. <...>

Цявловский М. А.: <...> Докладчик мало остановился на общественном положении Дружинина, который из-за стремления к литературе сменил прекрасную карьеру чиновника на скромное звание писателя. Материальные средства его были очень ограничены, но он был аристократ по природе и вместе с тем его в полном смысле можно назвать одиноким человеком. <...> К концу своей жизни Дружинин постепенно отходил вправо. К этому времени

¹⁷ Примечательно, что еще в 1855 году, в середине литературного пути Дружинина, особенности его творчества и черты личности, обусловившие их появление и восприятие читателями, декларировались на страницах «Библиотеки для чтения»: «При редкой деятельности г-на Дружинина, постоянно направленной по указанному пути, большая часть произведений его не могут вполне удовлетворять строгим требованиям искусства. Удивляясь его уму и силе его таланта, мы скорее подметите существенные недостатки в его произведениях, чем в какой-нибудь пугливо написанной повести, метящей на журнальное одобрение и страшно боящейся порицаний» (Журналистика // Там же. 1855. № 6. Отд. VI. С. 39–40 (без подп.)).

в литературной критике резко выступили и заняли боевую позицию разночинцы, которые постепенно оттеснили Дружинина на задний план <...> Докладчиком, к сожалению, не отмечена деятельность Дружинина как редактора «Библиотеки для чтения» <...>

Гроссман Л. П.: <...> если Дружинина можно упрекнуть в недостатке общественного пафоса, за ним необходимо признать несомненные заслуги в области развития нашей художественной культуры. Критика такого типа имеет свою ценность, как и критика публицистического толка. Этот художественный уклон сказался и на собственных писаниях Дружинина. Его статьи необходимо оценивать в исторической перспективе и в таком случае их нельзя упрекнуть в растянутости и расплывчатости. Они гораздо содержательнее статей Чернышевского, который писал свои статьи в три-четыре листа. У Дружинина такой разбавленности нет <...> в основе критических суждений Дружинина лежала продуманная эстетика, в силу чего его отзывы о художественных произведениях отличались систематичностью и последовательностью. Дружинин касался главным образом творчества писателей, соответствующих его эстетическому и философскому мировоззрению <...>

Кондратьев А. И.: <...> Чрезвычайная зависимость творчества Дружинина от критики Белинского не подлежит сомнению. Существующее в литературе мнение о неприязненности Дружинина к творчеству Белинского должно быть отвергнуто <...> Утверждение об отсутствии у Дружинина философского мировоззрения, пущенное в оборот с легкой руки Воынского, ничем не доказано.¹⁸

Горнунг Б. В.: <...> По сравнению с Писаревым и Добролюбовым, Дружинин был чрезвычайно бледной фигурой. Взгляды его весьма кустарны и лишены философских подходов, как это было у Белинского. Отсюда незначительная весомость его творчества для последующих поколений.

Сакулин П. Н.: <...> для правильной оценки Дружинина необходимо строго определить социальную среду, которая окружала писателя и влияла на его творчество. Важно также учесть исторические моменты, которых докладчик почти не коснулся в своем докладе. Подходя к Дружинину с этой стороны, мы увидим светского человека, весьма корректного и воспитанного в духе умеренного либерализма с английским уклоном. Отличительные свойства этого критика — это терпимость, благожелательность, тонкий вкус и, наконец, полное отсутствие темперамента. В довершение сказанного у Дружинина не было призвания быть литературным критиком. Он выступал в литературе со значительными задатками историка. <...>

Заключительное слово докладчика

Докладчик в заключительном слове указывает, что возражения его будут незначительны, так как почти все оппоненты, главным образом, дополняли доклад, а не возражали против высказанных им положений, кроме Л. П. Гроссмана.

Н. К. Пиксанову: <...> Собрания сочинений Дружинина следует отнести к меценатским изданиям. Литература о нем незначительна даже с точки зрения противников. Роль Дружинина в русской литературе, несомненно, преуменьшена. В его статьях меньше рыхлости, даже по сравнению с Белинским. Оглашенные места из статей о Фете и др. писателях чрезвычайно ярки, сугге-

¹⁸ Речь идет о следующих оценках А. Л. Воынского: «Противоположение артистической теории дидактической в том виде, как его делает Дружинин, заключает в себе крайне узкий смысл. Критика не может быть исключительно эстетической: ее задача быть органом широкого философского понимания, в котором эстетика, только один из необходимых ее элементов, занимает определенное место, исполняет свою, точно указанную функцию <...> Критика не должна быть преднамеренно дидактической, но она не должна быть и орудием бесстрастного созерцания <...> Критика должна быть не эстетической, а философской. Все замечания Дружинина, относящиеся к последнему периоду деятельности Белинского, имеют самое ограниченное значение. Дружинин борется за свободное, чистое искусство самыми слабыми средствами» (*Воынский А. Л. Русские критики: литературные очерки*. СПб., 1896. С. 25–26).

стивны и вполне выявляют творчество писателя. Что среда предопределяет творчество писателя, это верно, справедливо и об этом говорилось в докладе, но безоговорочно относиться к социальной среде невозможно. По вопросу об отношении разночинцев к чистому искусству нужно признать, что некоторые представители чистой критики вышли из среды разночинцев.

Л. П. Гроссману: <...> нужно иметь в виду, что писателю необходимо иметь свое мировоззрение, свою физиономию — философскую, общественную, которой у Дружинина не было. Дружинин сделал свое дело, очень ценное с исторической точки зрения, но критическая деятельность не была для него основой всей жизни, как это было у Писарева, Добролюбова и др., что и поставлено ему в минус при исторической оценке. <...>

П. Н. Сакулину: <...> Хотя историко-литературное призвание и было сильно у Дружинина, но не одно это повлияло на его уход, главной причиной которого следовало считать отсутствие у писателя философского мирозерцания и пафоса, без которых истинный критик обойтись не может. Затем оказало влияние и переживаемое тогда литературой и в особенности критикой общественное настроение, поддерживавшееся Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым и др.¹⁹

* * *

5 декабря 1924 года Гудзий выступил с докладом «О книге Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“» на заседании Подсекции русской литературы ЛС, целиком посвященным Пушкину (содокладчиками ученого стали М. О. Гершензон и Л. П. Гроссман). Отчет по деятельности подсекции зафиксировал основные положения речи ученого: «План работы в книге не выдержан. Материал тематических пристрастий, словарный и иной, б<ольшей> ч<астью> историко-литературно не осмыслен. Общие выводы или не сделаны, или являются неудачными. Удачны в книге реконструкция стих<отворен>ия „Шалость“ и рассмотрение автобиографической связи „Скупого Рыцаря“ с личной жизнью поэта в Михайловском».²⁰

Слово Гершензона (старшего друга Ходасевича, его наставника), заметно противоречащее по окраске и содержательной направленности общему тону обсуждения, наиболее объективно оценивает и оттеняет все достоинства и недостатки книги. Безстрастный, снисходительный тон в оценках, высказанных М. А. Цявловским, вызывает некоторое удивление.²¹ Несмотря на то, что

¹⁹ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 11. № 2. Л. 1–7. Машинопись; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 20. Л. 16–22 об. Машинопись. Тезисы — на л. 23–23 об. (автограф), 24–24 об. (машинопись); отдельно мы их не публикуем, так как текст доклада содержательно и по объему их многократно превосходит. Менее чем через месяц, 10 декабря, к наследию Дружинина обратился Цявловский в своем докладе «Письма Дружинина к Толстому и Боткину» на заседании Подсекции критики и литературоведения (протокол и тезисы см.: Там же. Л. 29–31).

²⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 50. Л. 82.

²¹ Б. В. Томашевский и Г. О. Винокур также выступили в печати с критическими откликами: *Томашевский Б.* [Рец.:] Владислав Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина // Русский современник. 1924. № 3. С. 262–263; *Винокур Г.* [Рец.:] Владислав Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина // Печать и революция. 1924. Кн. 6. С. 222–224. Первую рецензию Ходасевич в переписке с М. Л. Гофманом охарактеризовал так: «...хамская, ибо передергивающая» (*Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому / Публ. Р. Хьюза // Русская литература. 1999. № 2. С. 216). Г. И. Чулкова Ходасевич просил в письме от 30 июля 1924 года: «Сообщай, кто и где изругает меня за „Поэтическое хозяйство Пушкина“» (*Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Berkeley, 1999. Т. 1. Статьи, рецензии, заметки 1913–1924 гг. С. 426). Впоследствии дважды — публично, на заседании Подсекции русской литературы ЛС 13 февраля 1925 года в докладе «Об автобиографичности Пушкина», а затем и печатно — «изругал» метод Гершензона и книгу Ходасевича присутствовавший на ее обсуждении Вересаев: «...своим утверждением о полной автобиографичности Пушкина Гершензон... устанавливает определенный

в прениях прозвучало немало действительно важных и конструктивных его замечаний, не следует забывать, что Цявловский — не только участник обсуждения книги, но человек, посвященный во все обстоятельства ее создания, в предысторию ее текста, а кроме того — ведущий пушкинист, имевший доступ к основным собраниям пушкинских рукописей. Летом 1924 года в письме к А. И. Ходасевич автор «Поэтического хозяйства Пушкина», рассчитывая подготовить окончательную, исправленную и дополненную рукопись к концу года, просил по получении ее передать по экземпляру именно Гершензону и Цявловскому.²²

Включение в повестку заседания доклада с разбором книги Ходасевича в стенах ГАХН было событием весьма симптоматичным, как и некоторые, высказанные на заседании оценки. Отношение к Ходасевичу, проецировавшееся, главным образом, на его работы в области истории литературы и пушкинистики, было именно в эти годы достаточно сложным, а ближе к 1930-м годам еще более усугубилось. И. З. Сурат очень точно написала об этом: «Даже в академических исследованиях имя Ходасевича почти не упоминается с конца 1920-х гг., а если и упоминается, то в полемическом контексте и почти всегда по поводу его книги „Поэтическое хозяйство Пушкина“ (Л., 1924) или дотъездных статей <...> Гершензон и своими идеями, и своим на редкость обаятельным человеческим обликом оказал на личность младшего друга существенное и глубокое влияние, следы которого отложились в поэзии Ходасевича, в его исследовательской, и более всего в пушкиноведческой, работе <...> „Медленное чтение“ — это углубление текста, обогащение его за счет различных контекстов, это чтение „заново“, в процессе которого читатель входит во все смысловые оттенки и все связи слова, входит в самый процесс творчества. Ходасевич усвоил этот гершензоновский метод и развил его; именно „медленное чтение“ лежит в основе его книги „Поэтическое хозяйство Пушкина“ и ряда статей <...> Ему оказался особенно близок тезис Гершензона о так называемом „автобиографизме“ пушкинских созданий <...> именно в отношениях с Гершензоном определились основные линии развития Ходасевича-литературоведа, основные принципы его пушкинистских исследований».²³

В 1924 году, к 125-летию со дня рождения Пушкина в издательстве «Мысль» из печати вышел сокращенный, урезанный вариант книги (10 заметок из 52 были исключены из текста, а некоторые другие подверглись правке, нарушившей их смысловую целостность). Это издание настолько не соответствовало воле автора, а ее редакторы в такой степени проигнорировали его намерения, что Ходасевич должен был вскоре после выхода книги публично отказаться от нее, напечатав в марте 1925 года открытое письмо в журнале «Беседа» (символично, что в этом издании двумя годами ранее началась публикация первой части будущей книги). Более поздний и подробный вариант письма Ходасевича, отложившийся в архиве Цявловского, опубликовал в 1999 году Р. Хьюз, процитируем небольшой его фрагмент: «В апреле 1924 г.

подход к художественным произведениям Пушкина. В этом направлении и до Гершензона биографы грешили сверх всякой меры, теперь же такой подход освящается авторитетом одного из выдающихся современных пушкинистов. К каким негодным, ненаучным результатам ведет такой подход, показывает недавно вышедшая книжка В. Ф. Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“ <...> в некоторых других отношениях, впрочем, весьма ценная. В. Ф. Ходасевич так же категорически и так же бездоказательно декларирует абсолютную автобиографичность Пушкина» (Вересаев В. Об автобиографичности Пушкина // Печать и революция. 1925. Кн. 5–6. С. 30–31).

²² См.: Ходасевич В. Ф. Письма к М. А. Цявловскому. С. 225; письмо от 10 июля 1924 года. Ср. в нем же просьбу и грустное замечание: «Книгу никуда ни в каком виде пока не предлагай. Хуже всего то, что ее будут ругать — и справедливо. В таком виде она никуда не годится. Но ты этим не огорчайся».

²³ Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. С. 22, 28, 32–34.

уполномоченное мною лицо предложило издательству „Мысль“ (Ленинград) напечатать I-ую часть моей книги „Поэтическое хозяйство Пушкина“. Согласившись на это предложение и торопясь выпустить эту книгу к пушкинскому юбилею, издательство тотчас приступило к набору, для чего воспользовалось текстом, напечатанным в №№ 2 и 3 журнала „Беседа“ (заметки 1–41), а также рукописью заметки № 42. При этом издательство не только не захотело дожидаться от меня исправленного и значительно дополненного текста, но и отказало моему уполномоченному в возможности прочитать корректуру. В результате книга появилась в продаже, содержа все опечатки и погрешности „Беседного“ текста. С этим я был бы готов примириться. Но вот с чем примириться нельзя: сверх неисправностей текста „Беседы“ издательство прибавило от себя ряд таких вопиющих искажений, которые лишают возможности читать мою книгу» (далее следовал перечень замечаний и поправок).²⁴ Приведенная цитата указывает на еще одно очень важное обстоятельство, несколько не благоприятствующее обсуждению работы, а подготовившее для него весьма критическую почву. Участники заседания оценивали, по сути дела, неавторизованную книгу, лишь в малой степени отражающую авторский замысел. Тем не менее, по справедливому определению И. З. Сурат, Ходасевичу «удалось оставить в нашем пушкиноведении исследование совершенно оригинальное по постановке проблемы, богатое множеством интересных наблюдений, сопоставлений, догадок (спорных и бесспорных) и кроме всего очень полезное собранным и систематизированным материалом». К «Поэтическому хозяйству Пушкина» Ходасевич в последний раз вернулся в 1937 году, готовя к печати свою книгу «О Пушкине», но первоначального своего намерения не осуществил — в свет вышел значительно переработанный и сокращенный уже самим автором вариант издания 1924 года. Лишь в 1999 году Р. Хьюзом была предпринята попытка реконструировать текст в полном соответствии с авторским замыслом на основании изучения всех имеющихся в наличии материалов, как печатных, так и рукописных, а также по авторским замечаниям и указаниям, сохранившимся в его архиве, прежде всего в переписке.²⁵

Обратимся теперь к протоколу заседания.

Протокол № 7 заседания Подсекции русской литературы
Литературной секции от 5 декабря 1924 г.

Присутствовали: В. В. Вересаев, Г. О. Винокур, М. О. Гершензон, Л. П. Гроссман, Н. К. Гудзий, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, Д. С. Усов, М. А. Цявловский, Г. И. Чулков, А. К. Шнейдер, В. И. Язвицкий.

Гостей 50 человек.

Председатель Н. К. Гудзий

Секретарь Д. С. Усов

<...>

Заслушано 4. Доклад Н. Гудзиева «О книге Владислава Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“».

²⁴ Ходасевич В. Пушкин и поэты его времени. Т. 1. С. 415–416. 28 апреля 1924 года, словно предчувствуя бесславное будущее книги, Ходасевич писал А. И. Ходасевич: «Настаивай самым решительным образом, чтобы книга вышла полной, ибо иначе мое „участие в пушкинском юбилее“, о котором ты заботишься, выйдет позорное и глупое, а мне придется от книги откаться <...> До самой последней минуты не соглашайся на выпуск книги в уменьшенном объеме. Согласись только в крайнем случае» (Там же. С. 422).

²⁵ Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. С. 42; Ходасевич В. Пушкин и поэты его времени. Т. 1. С. 105–374. Обоснование принципов публикации этих материалов, сведения об истории текста книги, а также примечания к нему принадлежат Р. Хьюзу (см.: Там же. С. 415–443).

Книга В. Ходасевича посвящена преимущественно рассмотрению вопроса о реминисценциях у Пушкина, их происхождении и эволюции;²⁶ но план работы в ней не выдержан. Наряду с интересными и существенными наблюдениями, автор уделяет немало места мелочам, случайным совпадениям и т. д. Словарный материал, тематические пристрастия и т. д., будучи соответственно сгруппированы, могут дать яркую характеристику творчества писателя. Но материал, собранный в книге В. Ходасевича, большей частью историко-литературно не осмыслен, не сделаны никакие общие выводы. Там же, где они сделаны, их нельзя признать ни удачными, ни серьезными <...> В. Ходасевич констатирует некоторые факты, среди которых есть положительно не имеющие отношение к теме и бесплодные — например, о пристрастии Пушкина к определенным звукам, замечание о нелюбви Пушкина к сонету, неточность терминологии «жена» и «невеста» в отношении к Н. Н. Гончаровой и т. д. В «поэтическом хозяйстве» Пушкина есть более важные факты. У Ходасевича есть наблюдения и соображения, хотя и не особенно ценные, но интересные, как, например, о зависимости образа «волшебного фонаря» от Державина, констатирование образа «невинности» и др.²⁷ Впрочем, не везде приходится говорить о *сознательных* реминисценциях.

Иногда Ходасевич не ограничивается констатированием факта, а пытается философствовать. Так, строки: «И эта смесь чинов и лиц» — «Какая смесь чинов и лиц» дают ему повод приписать Пушкину мысль о сходстве светского раута с шайкой разбойников. Констатировав пристрастие Пушкина к восклицанию «Пора», Ходасевич замечает, что «лексические и интонационные пристрастия не случайны... они обнаруживают подсознательные душевные и духовные процессы». Заключение слишком пышное и не подготовляемое предварительной работой над материалом. Довольно много места уделяет Ходасевич теме «грозы» и «бури», причем пытается вывести из нее нечто характерное для мироощущения поэта. Говоря о теме «возлюбленной тени», Ходасевич высказывает несколько гипотез, желая расширить цикл стихов и высказываний, приуроченных к Ризнич. Ризнич угадывается им под образом Инессы;²⁸ прозрачные тона в 1830 г. обуславливаются отдаленностью перспективы.

²⁶ Ср. в предисловии к книге: «Всем, кто хорошо читал Пушкина, известно обилие самоповторений в его стихах и прозе. Повторяются темы, приемы, образы, мысли, сопоставления, звуковые и ритмические ряды, эпитеты, рифмы и т. д. <...> Самоповторения у художника не случайны, не могут быть случайны <...> Изучение автореминисценций может оказаться полезным в разных областях пушкиноведения: в изучении пушкинской поэтики, стилистики, биографии, в вопросах об авторстве пьес, даже в датировке их. Но всего больше даст оно тому, кто интересуется психологией пушкинского творчества. Мысль заняться автореминисценциями Пушкина пришла мне еще в 1914 г., но работа, по внешним причинам, оборвалась в самом начале. Я решился вернуться к ней теперь, — к сожалению, в самых неблагоприятных условиях, без многих необходимейших книг, не имея под рукою даже хоть сколько-нибудь полного и компетентного издания Пушкина. Это, конечно, обрекает меня на ряд промахов, понятных всякому <...> Тем не менее я решился предложить вниманию читателей ряд заметок, содержащих по преимуществу наблюдения и не стремящихся к обобщениям и выводам» (Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Книга первая. Л., 1924. С. 3–4).

²⁷ Ходасевич установил влияние «Фонаря» Державина на «Послание к Юдину» Пушкина как «в построении пьесы», так и в «отдельных строках». «Сходство мотивов» Ходасевич усматривал, сопоставляя «Евгения Онегина» («Шутя невинность изумлять...», «И после ей наедине давать уроки в тишине...») и «Гавриладиу» («И дерзостью невинность изумлять...», «Я научил послушливую руку...»).

²⁸ Книга Ходасевича открывается разбором нескольких стихотворений, в частности «Заклинания», обращенного к умершей Амалии Ризнич, «Осени» и того фрагмента «Каменного гостя», где Дон Гуан вспоминает об умершей Инезе — их объединяет сходным образом построенная метафора: уподобление женщины состоянию природы, погоде: «Есть общее во всем, что сказано об осени, об Инезе и о той, к кому обращено „Заклинание“». Как будто слегка приоткрывается завеса над этой любовью, о которой мы знаем так мало».

Удачною необходимо признать реконструкцию стихотворения «Шалость», подтвержденную изучением рукописного текста.

Заслуживает внимания рассмотрение «Скупого рыцаря», где Ходасевич посвящает очень много страниц уяснению его автобиографической связи с личной жизнью поэта в Михайловском. Но такая же попытка в отношении «Русалки» неудачна, так как она сомнительна и с фактической, и с психологической точки зрения.²⁹

Многие недостатки книги В. Ходасевича извиняются трудностью условий, в которых писалась работа — за границей, вдали от необходимейших пособий и материалов по Пушкину.³⁰ Но и независимо от этих, оправдывающих многое обстоятельств, работа Ходасевича заслуживает все же упрека за бессистемность, хаотичность и методологическую невыдержанность.

В. В. Вересаев находит, что от В. Ходасевича нельзя требовать систематического трактата — в его книге есть ряд заметок, довольно мало связанных. Ряд наблюдений Ходасевича представляется В. Вересаеву довольно ценными (напр<имер>, о «быстроте» и др.). Но, подходя к «поэтическому хозяйству» Пушкина, сам Ходасевич проявляет большую бесхозяйственность. Методы Ходасевича — непригодны. Априорное положение об автобиографичности Пушкина могло быть сделано лишь на основании предшествующей работы. Ряд необоснованных биографических догадок вполне дилетантского характера не должен был найти себе места в книге, которая претендует быть научной.

М. А. Цявловский указывает, что книге Ходасевича сопутствуют 3 неблагоприятных обстоятельства, до известной степени оправдывающих автора: 1. Книга написана за границей в недопустимой для работы пушкиниста обстановке — без литературы о Пушкине; напр<имер>, в Берлине Ходасевич не

²⁹ Обсуждение именно этой пушкиноведческой проблемы, наиболее спорной в интерпретации Ходасевича (по признанию целого ряда пушкинистов), стало одной из тем его переписки с Цявловским (она также неоднократно поднималась в журнальной дискуссии в 1924–1928 годах, см.: *Ходасевич В. Пушкин и поэты его времени*. Т. 1. С. 437–438). С ним он консультировался также и относительно датировки «Русалки», сохранившихся рукописных материалов пьесы. К этому вопросу Ходасевич продолжал возвращаться и в 1920-е, и в 1930-е годы и признал, что обнаружение новых архивных материалов существенно скорректировало его гипотезы, но от основной мысли своей работы не отказался (см.: *Ходасевич В. Ф. Письма к М. А. Цявловскому*. С. 215, 216). Гершензон отзывался на книгу в целом и на гипотезу Ходасевича в отношении «Русалки» в письме от 17 августа 1924 года: «Издание, конечно, небрежное, но не стоит огорчаться. <...> У меня двойное чувство: по общему чувству ваша догадка мне кажется вероятной, по размышлению нахожу ее ни на чем не основанной. Даже если Вы правы насчет раскаяния Пушкина, — не обязательно, что та девушка именно утопилась: она могла и вовсе не покончить с собой, и все же П<ушкин> мог с нее писать Русалку. Притом и Ваш анализ фактов кажется мне не совсем верным: мне кажется неясным многое, что Вы излагаете как факты» (Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона / Публ. И. Андреевой // *De Visu*. 1993. № 5. С. 36).

³⁰ Действительно, по собственному признанию Ходасевича в одном из писем к Цявловскому, он располагал достаточно скудной подборкой пушкинской литературы, работая над своей книгой, хотя ограниченность круга использованных им в работе изданий была преувеличена и Гудзием, и другими участниками заседания: Собрание сочинений поэта в восьми томах под редакцией П. А. Ефремова (1902–1905), «Труды и дни Пушкина» Н. О. Лернера (2-е изд., доп.: 1910), отдельные выпуски серийного издания «Пушкин и его современники», работа В. Е. Якушкина «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве», увидевшая свет в десяти номерах журнала «Русская старина» в 1884 году. От М. Горького Ходасевич получил летом 1923 года две книги П. В. Анненкова — «Материалы для биографии Пушкина» (1855) и «Пушкин в Александровскую эпоху» (1874), труд Л. Н. Майкова «Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки» (1899), «Дневник Пушкина 1833–1835» под редакцией Б. Л. Модзалевского (1923). Ходасевич также пользовался факсимильным изданием «Рукописи Пушкина» (1911) и трехтомным академическим собранием «Переписки Пушкина» под редакцией В. И. Сaitова (1906–1911), которые также были получены при помощи Горького (*Ходасевич В. Ф. Письма к М. А. Цявловскому*. С. 218–219; письмо от 27 августа 1923 года и комментарии к нему).

мог найти академического издания, и потому его книга выпадает из ряда российских пушкинианы. 2. Эта книга — фрагмент. Но можно ожидать, что и следующая книга Ходасевича в этом роде будет таким же нанизыванием заметок. 3. Книга имеет неряшливый вид — поражает огромное количество опечаток и выпадение абзацев.

Жанр бессистемных заметок все же имеет некоторое право на существование; оппонент напоминает сравнительно мало известные «*Marginalia*» В. Брюсова, помещенные в свое время в «Русском архиве». ³¹ Отраден, по мнению Цявловского, уже тот факт, что мы читаем Пушкина лучше наших предшественников, как Анненков, Бартенев и др., не говоря уже о современниках Пушкина.

<...> Самое ценное у Ходасевича это именно открытие автобиографичности «Русалки», одновременное с аналогичным открытием Вересаева в Москве. ³² Биографические реминисценции могут быть и в «Каменном госте», и в «Скупом рыцаре», но здесь они недостоверны.

М. О. Гершензон: <...> По поводу книги В. Ходасевича оппонент замечает, что тт. Вересаев и Гудзий были к ней чрезмерно строги. Книга эта писалась с 1918 года в исключительно тяжелых условиях. Она написана с большой любовью. Н. К. Гудзий не усмотрел стержня, проходящего в ней — она вся нанизана на тему о реминисценциях; это — *книга о реминисценциях*. В. Ходасевич не только талантливый поэт, но и необыкновенно тонкий читатель. Его книга — это рассказ о мастерстве, и притом такой, какого пушкинисты не сумели бы дать. В искусстве медленного чтения М. О. Гершензон считает Ходасевича своим учеником — превзошедшим учителя. Эта книга разойдется, как соль в воде; очень многое из нее останется в сознании читателя, даже если источник этого будет им забыт. Каждый из пишущих мыслит и не все из своих мыслей использует: многое пропадает. У Пушкина же было единственное в своем роде насыщенное ощущение конкретности и объективной ценности найденного образа, словосочетания и ритма. Едва <ли> всякий эпитет Пушкиным запоминается и воспроизводится потому, что он объективно ценен. Это знание о Пушкине, которое мы получаем из книги Ходасевича — чрезвычайно ценно.

Но Ходасевич подобен человеку, копающему яму и беспрестанно засыпаемому песком — он весь засыпан реминисценциями и только стоя на его плечах, мы убеждаемся в полновесности найденного.

Н. К. Гудзий отметил разницу между повторением и рецепцией данного образа — с одной, рецепцией мысли — с другой стороны. Реминисценции второго рода — своего рода суверенная игра. Происходило ли это от того, что Пушкин <не> раз забывал свою строку и снова ее находил. Вряд ли. Пушкин *помнил* все создаваемое им. Можно привести образец того, как Пушкин играет в сне Татьяны и в сне Руслана. Тема 30-х годов — тема «Утопленницы» — трижды была обработана Пушкиным: в «Русалке», в «Песнях западных славян» (Яныш — королевич) и в черновом наброске, впервые напечатанном Морозовым. ³³ Перед нами — автобиографичность переживания.

³¹ См.: Брюсов В. *Marginalia* — Puschkiniana. Заметки на полях сочинений Пушкина // Русский архив. 1916. Кн. 1. Вып. 4. С. 397–406.

³² Речь может идти либо об устном выступлении Вересаева, либо о его публикации: Вересаев В. Поэт (Комментарии) // Красная новь. 1924. № 2. С. 246–271 (заметка «Нереида» — с. 246–247).

³³ Гершензон говорит о стихотворении Пушкина «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (1826), черновой автограф которого был напечатан П. О. Морозовым сначала в статье «Новые стихи Пушкина» (Русское слово. 1916. 10 апр. № 83. С. 2), а затем в издании: Сочинения Пушкина. М., 1916. Т. 4. Лирические стихотворения (1825–1827). Жених (1825). Борис Годунов (1825). Граф Нулин (1825). Сцена из Фауста (1825) / Под ред. П. О. Морозова. С. 221–222 (текст и прим.), 324–325 (варианты) (Издание Императорской Академии Наук). См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 3. Кн. 2. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 36, 579, 1132.

В заключение М. О. Гершензон еще раз отмечает ценность прелестной и полной ошибок книжки Ходасевича.

А. И. Ромм находит, что книгу В. Ходасевича следует судить особо. Ошибка Ходасевича заключается в том, что он покусился на выводы. В этой книге ценно знание Пушкина вдоль и поперек. Чтобы построить науку о Пушкине — необходимо знание Пушкина именно «поперек», необходимо начетчество — нужно, чтобы каждое слово имело себе ряд параллелей. Слово, сюжет, оборот, ритмико-синтаксическая фигура в сопоставлении с рядом других наблюдений будет ценно для исследователя <...> Такие исследования, как работа Ходасевича, должны быть сведены к комментарию; первый камень комментария и представляет собою обсуждаемая книга.

Ю. Н. Верховский говорит, что ему подход к способу рецензирования книги В. Ходасевича представился бы иным — в ней нельзя было видеть плохого исследования. Эта книга, прежде всего, богата интуицией — и это обстоятельство следовало четко отметить; таково наблюдение (без работы на рукописном материале) над стихотворением «Румяный критик мой...».

Н. К. Гудзий подчеркивает, что книга Ходасевича дает меньше, чем обещает ее заглавие. Докладчик видит в ней то «начетчество», о котором говорил один из оппонентов и которое не всегда способно отличить органическое от неорганического. В «поэтическом хозяйстве» Пушкина *главное* все-таки не то, на что указывает Ходасевич; он отмечает ряд мелочей, повторения слов и выражений, не играющих в поэтическом багаже Пушкина той существенной роли, которую он им приписывает. Работа эта могла бы быть значительно ярче. Часть интересных и приемлемых замечаний, сделанных Ходасевичем, так сказать, на полях читаемой книги, может быть учтена при изучении творчества Пушкина, но лишь как *membra disjecta*;³⁴ к широким обобщающим выводам книга Ходасевича не приводит.³⁵

* * *

19 февраля 1925 года скончался историк русской литературы и культуры, пушкинист М. О. Гершензон, возглавлявший ЛС с момента ее возникновения. 9 марта на заседании Пленума ЛС, посвященном его памяти, Гудзий выступил с докладом под названием «М. О. Гершензон — историк русской духовной культуры». Содокладчиками ученого были Н. К. Пиксанов («М. О. Гершензон как председатель Литературной секции») и М. А. Цявловский («Неизданные отрывки о Пушкине М. О. Гершензона»). Протокол заседания не зафиксировал ни сами выступления, ни последующее обсуждение — предположим, что

³⁴ разрозненные фрагменты (лат.)

³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 23. Л. 27 об. — 29 об. Машинопись. Тезисы доклада — на л. 34–34 об. (автограф), 35 (машинопись); основные положения доклада, зафиксированные в протоколе, дословно их повторяют. Ср. с дневниковой записью историка литературы Н. А. Трифонова, в то время — студента литературно-лингвистического отделения педагогического факультета 2-го МГУ: «5. XII. Заседание п<од>секции русской литер<атуры> Литературной секции Рос<ийской> Акад<емии> Худ<ожественных> Наук было посвящено некоторым вопросам пушкиноведения. 1-м явился доклад М. О. Гершензона о „Путешествии в Арзрум“ <...> Далее прочел доклад о мадригалах Пушкина Л. П. Гроссман, не дав, впрочем, точного определения этого поэтического жанра, что и отмечали оппоненты (Винокур и др.). Наконец, Н. К. Гудзий сделал сообщение о книге В. Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“; его оценка в общем отрицательная. Еще более резкий отзыв дал в прениях В. В. Вересаев. Наоборот, М. А. Цявловский и, особенно, М. О. Гершензон дали высокую оценку, причем последний подчеркнул, что эта книга — продукт медленного чтения, проповедником которого он сам является» (Трифонов Н. А. Из дневника читателя 1920-х годов // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 209).

формат памятного заседания его не предусматривал.³⁶ В архиве ГАХН сохранились тезисы доклада Гудзия, которые мы опубликуем ниже.

Гудзий с пристальным интересом и глубочайшим уважением относился к работе старшего коллеги. Так, уже 3 декабря 1923 года он выступает на обсуждении доклада Гершензона «О социологическом методе изучения литературы», посвященного актуальной ситуации в литературоведении. Критикуя набравший силу научный метод и разбирая, вслед за Гершензоном, его достоинства и недостатки, Гудзий сказал о чем-то более значительном и обобщенном, а именно — о ситуации, складывавшейся в науке о литературе в те годы: «...правильно ли связывать метод научный со злобой дня, безразлично — социальной или политической. Социологический метод выдвинут не только потому, что он важен и существен, а только потому, что он почему-то признается идущим в ногу с текущими задачами жизни. Наука стала прагматической и в связи с этим выдвинут так называемый „социологический метод“, которого нет и не может быть в изучении литературных произведений; возможен подход, а не метод. Все обусловлено социальными условиями, вся наша психическая жизнь, но историк литературы интересуется в первую голову теми методами, которые вытекают из изучаемого материала <...> при социологических выводах из материала возник бы социологический метод, но не в других условиях <...> Социологический анализ не может избежать биографического изучения; когда нам приходится изучать отдельного писателя, здесь социологический метод законен».³⁷ Ученый затронул важную и весьма деликатную тему — для этого необходима была изрядная доля интеллектуальной независимости.

Сам Гершензон, как о том свидетельствуют дневниковые записи Гудзия, относился к нему со вниманием, часто в той или иной форме выражая ему свою поддержку. Прочитируем запись от 18 февраля 1924 года, посвященную обсуждению книги П. С. Когана «Литература этих лет» и докладу И. И. Гливленко, содержащему ее разбор: «Вечером — засед<ание> в литературной секции Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук. Позорный доклад Гливленка о пустой книге Когана „Литература этих лет“. Оба вульгарны и плоски. Выступил с категорическими возражениями. Гершензон сказал, что это мое выступление — одно из талантливейших и наиболее ярких. Сам Гершензон возбужденно говорил против формального метода и приветствовал здоровую „революционность“ метода Когана».³⁸ Слова Гершензона, зафиксированные в протоколе, вполне подтверждают достоверность дневниковой записи: «Старая историко-литературная традиция сталкивается <...> с новым революционным подходом. П. С. не дает новых форм, но он разрушает старые формы, и это необходимо приветствовать. Формальный метод, не открывающий никаких путей, есть самодовлеющее творчество дурного тона».³⁹ Этот эпизод тем более примечателен, что он показывает нам Гершензона не только как историка духовной культуры, но и как критика современного положения в науке.

Обратимся к дневниковой записи Гудзия от 21 марта 1924 года: «Вечером большое засед<ание> в истор<ико>-лит<ературном> отд<елении> Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук>. Читал Гершензон докл<ад> на тему „Сны Пушкина“. Масса народу».⁴⁰ Выступление Гудзия сохранил для нас протокол

³⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 16. Л. 57.

³⁷ Там же. № 4. Л. 36 об. Основные пункты доклада Гершензона: «Притязания социологического метода на единство», «Законность социологического метода», «Неразработанность социологического метода и его трудности» (Там же. Л. 38).

³⁸ РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 1.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 4. Л. 74. Возражения Гудзия — на л. 73 об.

⁴⁰ РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 9 об. Доклад Гершензона в отчете секции назывался «Сны у Пушкина» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 30. Л. 312).

заседания, приведем его фрагменты, которые показывают, как воспринимал Гудзий гипотезы и открытия Гершензона-пушкиниста. Несомненно, хотя на первый взгляд и не столь очевидна, некоторая переключка в характере тех критических замечаний Гудзия, которые были высказаны при обсуждении книги Ходасевича и оценок, запечатленных в протоколе мартовского заседания: «Проникновения докладчика основываются на собственном психологическом опыте и на внимательном изучении Пушкина. Но в докладе хотелось бы видеть больше позитивных оснований. Нет литературы предмета. Материал можно было рассматривать в двух плоскостях: 1) в плоскости психологической, 2) в плоскости историко-литературной. Поэтика сна есть нечто устоявшееся, где Пушкину приходилось следовать за известными выработавшимися канонами. В каких же случаях изображения сна Пушкин был отгадчиком, а в каких — писателем? <...> Пушкин намекает в начале пути на то, что произойдет в конце. Это свойственно не только Пушкину. Моцарт пишет „Реквием“ — здесь Пушкин также намекает на то, как в будущем раскроется судьба Моцарта. Позитивные основы, направленные в ту или иную сторону, очень подкрепили бы ценные соображения М. О. Гершензона».⁴¹

В заключение предлагаем вниманию читателей тезисы упомянутого выступления Гудзия 9 марта 1925 года:

1. В литературном наследии М. О. Гершензона его труды о судьбах русской духовной культуры стоят на первом месте. В сущности все, что писал Гершензон, он писал о путях человеческого духа даже тогда, когда его работы вращались в сфере литературы.⁴²

2. Заслуга М. О. Гершензона в том, что он настойчиво заявил о необходимости разделения истории русской общественной мысли и истории художественной литературы.

3. М. О. Гершензон в русской духовной культуре прослеживает два явления: идейное или психологическое ядро и ту форму, которую оно принимает в массе общества как типичное умонастроение эпохи.⁴³

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 6. Л. 60 об. Ср. в докладе Гершензона: «5 сновидений, изображенных Пушкиным, оказываются как бы вариациями одной и той же темы — до такой степени они совпадают в своих главных чертах. Здесь приоткрывается общее представление Пушкина о строе и движениях человеческого духа. Человек воспринимает несравненно больше того, что доходит до его сознания <...> Но эти бессознательные знания души не мертвы <...> в сонном сознании они все выступают в круг созерцания души <так!>. Татьяна знает многое такое об Онегине, Марья Гавриловна — о Владимире, Гринев — о Пугачеве, а Отрепьев — о самом себе, чего они отдаленно не сознают наяву» (Там же. Л. 59).

⁴² Об этом говорит и название первого же выступления Гершензона, прозвучавшего на заседаниях ЛС, а именно — доклада «Взаимоотношение личности и общества в русской художественной литературе» (3 декабря 1921 года, см.: Государственная Академия Художественных Наук. Отчет: 1921–1925. М., 1926. С. 24).

⁴³ Гудзий цитирует авторское предисловие к книге «История молодой России» (М., 1908; 2-е изд.: Пг., 1923): «Мы ни до чего не добьемся, пока не отделим историю общественной мысли от истории художественной литературы (то есть поэзии и критики), и в самой истории общественной мысли — историю преемственности творческих мировоззрений от истории массовых настроений. Это — грубейшие черты разделения, но они напрашиваются прежде всего, и именно с них надо начать <...> Во всяком общественном движении легко различить два элемента: его идейное или психологическое ядро и ту форму, которую оно принимает в массе общества, как типичное умонастроение эпохи. Сущность движения всегда воплощается в немногих личностях, соединяющих в себе острую врожденную предрасположенность к очередной идее времени с недюжинной силой духа. Такой человек не всегда стоит во главе движения, не всегда даже сколько-нибудь заметно влияет на него, — да это и безразлично: важно то, что только в нем, в отдельной предрасположенной и одаренной личности зерно движения дает свой полный цвет, только в нем раскрывается вполне смысл очередной исторической задачи. Таким образом, изучить смену общественных идей в их сущности (а именно такую цель ставит себе история общественной мысли) — значит

4. М. О. Гершензона особенно интересовали 30 и 40 гг. — эпоха, выдвигавшая основные вопросы морально-философского характера (Чаадаев, Печерин, славянофилы).⁴⁴

5. Наряду с вершинами духовной культуры М. О. Гершензона интересует и середина («Декабрист Кривцов», «Грибоедовская Москва»).⁴⁵

6. М. О. Гершензон, учивший о цельном знании в своем отношении к истории и науке, был субъективен и прагматичен. И то и другое особенно сильно сказывается в его трудах последнего времени (особенно о Пушкине).⁴⁶ Они представляют большой интерес и для характеристики М. О. Гершензона как крупной индивидуальности, которая сама по себе — большое значительное явление в истории русской духовной культуры.

9/III <1>925

Ник. Гудзий⁴⁷

Выступление оказалось первым опытом Гудзия в том исследовательском направлении, которое впоследствии займет в его работе одно из центральных мест, а именно — в области истории отечественной филологической и шире — гуманитарной науки. Этой проблематике был посвящен и следующий по времени доклад Гудзия в ГАХН. 10 июня 1925 года он принял участие в совместном заседании Пленума ЛС и Общества любителей российской словесности памяти скончавшегося 12 мая историка русской и западноевропейской литературы, критика, педагога, академика, директора Пушкинского Дома в 1910–1925 годах Нестора Александровича Котляревского.

Доклад «Нестор Котляревский — историк русской литературы и общественной мысли» ценен, в частности, уже тем, что это единственный в научном наследии Гудзия опыт обращения к личности и творчеству Котляревского.

изучить эти идеи в их индивидуальной углубленности, в лице их типичнейших представителей. Соответственное умонастроение массы общества должно рассматриваться при этом только как почва, из которой выросла типическая индивидуальность и соками которой она питается» (цит. по: *Гершензон М. О. Избранное*: [В 4 т.]. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Молодая Россия. С. 8).

⁴⁴ Гудзий имеет в виду книги Гершензона «П. Я. Чаадаев: жизнь и мышление» (СПб., 1908), «Жизнь В. С. Печерина» (М., 1910). Среди его работ, посвященных истории и теории славянофильства, отметим следующие: очерк «И. В. Киреевский» в августовской книжке «Вестника Европы» за 1908 год; главы о И. В. Киреевском и Ю. Ф. Самарине в книге «Исторические записки» (М., 1910); биографический очерк, предпосланный изданию «Русских народных песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1910); собрание сочинений И. В. Киреевского в 2 томах под редакцией Гершензона (М., 1911); главу о П. В. Киреевском в книге «Образы прошлого» (М., 1912).

⁴⁵ «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1914; 2-е изд.: М.; Берлин, 1925); «Грибоедовская Москва» (М., 1914; 2-е изд.: М.; Берлин, 1922).

⁴⁶ Целый ряд поздних статей Гершензона-пушкиниста, прежде чем появиться в печати, был представлен в виде докладов в ГАХН. 5 декабря 1924 года, на одном заседании, обсуждались книга Ходасевича и выступление Гершензона «Путешествие в Арзрум», посвященное датировке пушкинского произведения (на основании изучения рукописей, особенностей стиля) и установлению его литературных источников. Гершензон относил «Путешествие...» к осени–зиме 1829/1830 года, а годом написания предисловия и переписки текста набело назвал 1835 год. Два источника «Путешествия», указанные Гершензоном, — «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году» (1829), автор которых, Н. А. Нефедьев, скрылся за криптонимом «Н. Н.», и «Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase» (1829) гр. Я. Потоцкого. Гудзий высказал соображения относительно датировки («...не поможет ли здесь другая редакция стихотворения „Стамбул гяуры нынче славят“, которая отличается от помещенной в „Путешествии в Арзрум“ тем, что к ней прибавлено несколько строк, делающих это стихотворение поразительно насыщенным»); охарактеризовал он и стиль пушкинского произведения: «Пушкин является в нем непревзойденным стилистом. Стиль „Путешествия в Арзрум“ ценен, между прочим, и потому, что русская проза уже в наши дни пришла к нему <...> Этот лапидарный, стремительный стиль набегающих длительных периодов и придаточных предложений характерен для лучших произведений русской прозы» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 23. Л. 26–26 об.). Впоследствии статья Гершензона вошла в сборник «Статьи о Пушкине» (М., 1926).

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 16. Л. 59–59 об. (автограф), 60 (машинопись).

Выступление Гудзия оказалось зафиксированным лишь в тезисах, ход заседания в полном виде протокол не отразил. Но даже по этим кратко сформулированным основным его положениям можно сделать вывод о том, что докладчик коснулся ряда важных моментов — «научной родословной» Котляревского, особенностей его исследовательского метода, а также просветительской стороны его деятельности.

Протокол заседания
Пленума Литературной секции ГАХН от 10/VI-25 г.

Присутствовали: А. К. Шнейдер, М. А. Петровский, Г. И. Чулков, Б. И. Ярхо, А. А. Бахрушин, И. Г. Званский, Н. Л. Бродский, А. И. Анисимов, Б. А. Грифцов, И. К. Линдеман, И. Н. Кубиков, Н. Ф. Бельчиков, П. И. Карпов, Н. П. Кашин, Л. П. Гроссман, П. Н. Сакулин, Н. Д. Виноградов, Н. А. Черникова, Н. Я. Колли, Б. В. Шапошников, М. И. Каган, С. А. Стороженко, В. С. Нечаева, Н. К. Пиксанов, И. В. Рыльский, А. Ф. Лосев.

Председатель: П. Н. Сакулин

Секретарь Л. П. Гроссман

Заседание открывается словом П. Н. Сакулина, посвященным памяти Нестора Александровича Котляревского.

Доклад Н. К. Гудзия: «Н. А. Котляревский — историк русской литературы и общественной мысли».

1. В своих историко-литературных работах Н. Котляревский стоит на культурно-психологической точке зрения, уделяя немалое место и общественному моменту, поскольку он сказывается в памятниках художественного творчества.

2. Труды Н. Котляревского подсказаны в своей методологической основе, с одной стороны, традицией, идущей от Пыпина, с другой теоретическими предпосылками Тэна.⁴⁸

3. Наиболее ценными работами Котляревского являются его книга о Гоголе и отчасти о Лермонтове.⁴⁹ Несмотря на ряд методологических недостатков, эти работы вносят свежий материал в историко-литературную историографию.

4. Остальные работы Н. Котляревского («Старинные портреты», «Декабристы», «Рылеев» и др.)⁵⁰ в ряде случаев представляют собой интересные психологические характеристики, не всегда, однако, поставленные в историко-литературную перспективу.

5. Не будучи в строгом смысле слова историком литературы, Н. Котляревский, благодаря наличию литературного вкуса и художественного чутья,

⁴⁸ Гудзий называет имена основоположников русской и европейской ветвей культурно-исторической школы. С. А. Н. Пыпиным, известным своими работами по истории общественной мысли, Котляревский был хорошо знаком, профессионально и человечески близок с 1890 года. Именно Пыпин инициировал и всячески приветствовал работу Котляревского над трудом о Лермонтове (*Казанович Е. Нестор Александрович Котляревский (Краткие биографические сведения)* // Памяти Нестора Александровича Котляревского (1863–1925). [Л.], 1926. С. 40–41; см. след. прим.). И. А. Тэн — глава культурно-исторической школы в искусствознании и философии во Франции.

⁴⁹ См.: *Котляревский Н. А.* 1) Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения: Опыт историко-литературной оценки. СПб., 1891 (переизд.: СПб., 1905, 1909, 1912); 2) Н. В. Гоголь. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб., 1903 (переизд.: СПб., 1908, 1911, 1915).

⁵⁰ *Котляревский Н. А.* 1) Старинные портреты: Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, кн. В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, гр. А. К. Толстой. СПб., 1907; 2) Декабристы: Кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский: Их жизнь и литературная деятельность. СПб., 1907; 3) Рылеев. СПб., 1908.

удачно в ряде случаев популяризовал художественную литературу в широкой читательской массе, никогда, однако, не допуская ни вульгарности, ни элементарности дурного тона.⁵¹

5/VI—25 г.

Н. Гудзий⁵²

* * *

Следующий важный документ, отложившийся в архиве ГАХН и не только связанный напрямую с деятельностью Гудзия в Академии, но и дополнительно высвечивающий процесс разработки одной из интереснейших тем его исследований в 1920–1930-е годы — истории русского символизма,⁵³ — это тезисы к докладу «Первые шаги московского символизма (сборники «Русские символисты» 1894–1895 гг.)», прочитанному на заседании Пленума ЛС 26 апреля 1926 года. Протокол этого заседания не сохранился, поэтому мы лишены возможности познакомиться как с полным текстом выступления Гудзия, так и с материалами обсуждения. В этой связи, да и сама по себе, исключительную ценность первоисточника имеет статья ученого, опубликованная в 1927 году (в основу которой и был положен прозвучавший доклад).⁵⁴ Из ее содержания, а также из личной переписки Гудзия становится ясно, что значительную помощь в работе над темой оказывали ему, в частности, И. М. Брюсова (позволившая работать с архивом В. Я. Брюсова) и особенно — П. П. Перцов.⁵⁵

⁵¹ К такого рода публикациям Котляревского следует отнести, например, значительное количество статей по самым разнообразным вопросам — от истории литературы, «Очерков истории общественного настроения в шестидесятых годах» и воспоминаний самого Котляревского до рецензий на труды в области литературы, театра, — появлявшихся в журнале «Вестник Европы» и в газете «Биржевые ведомости» в 1895–1917 годах. Этой же стороне его деятельности — просветительской — способствовала его многолетняя педагогическая работа на Высших женских курсах, в Александровском лицее, Николаевской Академии Генерального Штаба, на Высших женских курсах П. Ф. Лесгафта и на Высших женских историко-литературных курсах Н. П. Раева.

⁵² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 16. Л. 93 (протокол; машинопись). Тезисы — на л. 94–94 об. (автограф), 95 (машинопись).

⁵³ Говоря об истоках этой темы в научном наследии Гудзия, нельзя обойти вниманием работу руководимых им семинариев по русскому символизму и русской литературе начала XX века, участниками которых были его воспитанники, студенты 2-го МГУ (хронологически их непрерывная, но, несомненно, плодотворная деятельность была ограничена учебным университетским годом — с сентября 1923 года по июнь 1924 года). Прозвучавшие на заседаниях доклады (более 20) были посвящены творчеству Валерия Брюсова, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, Федора Сологуба, Александра Блока, Михаила Кузмина, Иннокентия Анненского и Константина Бальмонта. Именно в организации этих семинариев, помимо многолетней работы ученого в ГАХН, следует видеть истоки интереса Гудзия к истории русского символизма и первый этап многолетней деятельности по ее изучению. См. протоколы заседаний и списки участников: РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 10. № 5.

⁵⁴ Гудзий Н. К. Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 180–218.

⁵⁵ Важнейшие, этапные для изучения истории русского символизма издания, выход которых к апрелю 1926 года был еще впереди, — «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894–1896 гг. (К истории раннего символизма)» (М., 1927) и «Литературные воспоминания» Перцова (М.; Л., 1933). Частично материалы обеих книг были известны Гудзию до их публикации благодаря доброму расположению автора. Кроме того, письма, составившие первое издание, в 1924–1926 годах появлялись в периодике — в вечернем выпуске «Красной газеты», журналах «Русский современник» и «Печать и революция» (Перцов П. П. Литературные воспоминания / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 7). Следует также принять во внимание, что за три месяца до выступления Гудзия, 15 и 29 января 1926 года, на заседаниях Подсекции истории русской литературы прозвучали доклады Перцова «Ранний русский символизм» и «Московский символизм 90-х (по письмам В. Брюсова и личным воспоминаниям)». В частности, в первом из них он коснулся творчества Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, кружка журнала «Северный вестник», а также связи поэзии К. М. Фофанова и В. С. Соловьева с истоками раннего русского символизма. Гудзий присутство-

Работа Гудзия предназначалась для редактировавшегося им сборника «Ранний русский символизм» (об истории которого мы упомянули в первой части настоящей статьи) в его изначальном составе, включавшем статьи Л. Я. Гуревич, С. Н. Дурылина, В. Ф. Саводника, Ю. Н. Верховского и статью Гудзия «Московские сборники „Русские символисты“». Позднее, в 1928 году, ее место займет монографическая статья «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», которая также будет опубликована спустя несколько лет в совершенно другом издании (о чем мы скажем подробно в свое время); статьи Саводника и Верховского будут вовсе исключены из книги и заменены новыми, написанными А. А. Штейнберг, Б. В. Михайловским и Н. Г. Булычевым.⁵⁶ В редакторском предисловии к рукописи раннего ее варианта (недатированном, но явно относящемся к осени 1926 года) Гудзий подчеркивал, что в 1925/1926 академическом году «подсекция в плане своих занятий на первом месте поставила изучение русского символизма», и сборник был задуман как первый в серии подобных изданий («Дальнейшие этапы изучаемой школы найдут себе освещение в последующих сборниках, готовящихся к печати»).⁵⁷ В конце ноября 1928 года Гудзий отправил П. Н. Сакулину (руководившему ЛС ГАХН с марта 1926 года по январь 1929 года) окончательную рукопись. В сопроводительном письме, датированном 27 ноября, нашли свое отражение существенные изменения в содержании и в концепции сборника: «Дорогой Павел Никитич. Передаю Вам сборник по символизму. В нем 6 статей объемом около 12 листов. Статьи эти в совокупности представляют собой нечто стройное и, кроме работы Булычева, которую, в случае недостатка места (в крайнем случае), можно опустить, — затрагивают не частные, а более или менее основные вопросы истории русск<ого> символизма. Моя статья касается вопроса русской традиции в символизме в лице наиболее определительного в этом отношении поэта — Тютчева, статья Дурылина — характернейшего представителя западн<ого> символизма — Бодлера, также — по другой линии — теснейше связанного с нашим символизмом. Статьи Л. Я. Гуревич (о «Сев<ерном> Вестн<ике>») и Штейнберг (о «Весах») разрабатывают насущную проблему изучения символистической журналистики в начальной ее стадии и в стадии расцвета и перерождения. Статья Михайловского — очень интересная по замыслу и исполнению — посвящена теоретическим проблемам символизма. Она в значительной мере опирается на работы Вальцеля и задумана в плане социологической разработки темы (автор не успел ее к сегодняшнему дню целиком переписать и вторую половину работы доставит дня через два-три). Наконец, статья Булычева на частном вопросе пытается также разрешить некоторые проблемы символистической теории искусства и критики и т<аким> обр<азом> в известной мере примыкает к работе Михайловского, тем более, что попутно в ней идет речь и о главных основоположниках теории символизма — Вяч. Иванове и А. Белом. Статьи мной тщательно проредактированы. В частности, статья Дурылина носит строго описательный характер (она не переписана на машинке, но написана очень разборчиво и наборщика не затруднит). Предисловие к сборнику мной в ближайшее время будет написано. В нем будет мной дана и социологическая

вал на обоих заседаниях и высказал немало существенных замечаний (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 36. Л. 25–27, 29–30).

⁵⁶ Нефедьев Г. В. К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: материалы и исследования. М., 2014. С. 257; Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 12–13; Фролов М. А. Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года. С. 34.

⁵⁷ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 8. Л. 1–1 об.

установка к печатающимся статьям».⁵⁸ Это письмо относится к наиболее трудному этапу в печатной судьбе сборника, закончившемуся полным крушением надежд на его выход в свет.⁵⁹

О фундаментальном характере и задаче развернутой в ГАХН коллективной научной работы, «хорошо определяемой временем», справедливо писали М. М. Павлова и Н. А. Богомолов: «...собрать материалы и по возможности создать историю русского символизма, значение которого осознавалось как чрезвычайно важное для всей русской литературы XX в., и в то же время его основные деятели или были еще живы, или совсем недавно ушли из жизни, оставив обширные архивы».⁶⁰

Мы ограничимся публикацией тезисов, оставив читателю возможность самостоятельно проследить, как автором были раскрыты в статье основные положения, намеченные в докладе. За столетие без малого, прошедшее с момента упомянутого заседания, литература о русском символизме, биографии и наследии Брюсова, об истории издания сборников «Русские символисты» пополнилась очень многими важными исследованиями. Подробный рассказ, восстанавливающий историографию вопроса, не представляется нам продуктивным — приведенные в тезисах сведения и лаконично сформулированные выводы многократно документально подкреплены и уточнены. Главное, что нам хотелось бы особенно отметить, — работа Гудзия была для своего времени новаторской по теме и по широте привлеченного круга источников. Впоследствии фактическая часть исследования уточнялась вводимыми в научный оборот документами, а его аналитическая часть послужила первоисточником для постановки новых проблем в рамках обозначенной темы, стимулируя интерес исследователей.⁶¹

<Первые шаги московского символизма (сборники «Русские символисты» 1894–1895 гг.)>

1. Появление в свет сборников «Русские символисты» подготовлено было пробудившимся в <18>90<-е> гг. в русской литературе интересом к символизму и декадентству, с одной стороны, постепенным высвобождением русской поэзии от общественных и политических тенденций — с другой.

2. В культуре раннего символизма на русской почве заметную роль сыграло творчество В. Соловьева, Минского, Мережковского, З. Гиппиус, а также литературная позиция «Северного Вестника». Кроме того, имели значение появившиеся в ряде журналов переводы, гл<авным> обр<азом>, из французских символистов, и статьи, знакомившие с западными поэтами-символистами.

⁵⁸ Там же. Карт. 14. № 12. Л. 1–1 об.

⁵⁹ Это можно проследить и по письмам Гудзия Дурылину, относящимся к началу 1929 года. Пропитируем самое важное из них, датированное 18 марта: «Академия наша сейчас переживает очень острый момент. На нее обильные нападки в печати, обвинения в <...> реакционности, в отсутствии марксистского ядра. Назначено обследование, в результате которого последует реорганизация учреждения <...> Сейчас идет усиленная ревизия на всем культурном фронте, в том числе и в университетах <...> В частности наш сборник о символизме — не знаю когда увидит свет, хоть он давно уже предназначен для печатания и ждет лишь отправки в типографию» (Нефедьев Г. В. К истории русского символизма: С. Н. Дурыйлин о Ш. Бодлере. С. 257).

⁶⁰ Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая. С. 12.

⁶¹ См., в частности, статьи, напрямую связанные с темой работы Гудзия: Тяпков С. Н. К истории первых изданий русских символистов (В. Брюсов и А. Емельянов-Коханский) // Русская литература. 1979. № 1. С. 143–152; Иванова Е., Щербаков Р. Альманах В. Брюсова «Русские символисты» — судьбы участников // Блоковский сборник. Тарту, 2000. Вып. XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. С. 33–75; Гужиева Н. В. «Русские символисты» — литературно-книжный манифест модернизма // Русская литература. 2000. № 2. С. 64–80; Переписка В. Я. Брюсова с Н. Н. Бахтиным (Н. Новичем) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. В. Ивановой и Р. Л. Щербакова // Русская литература. 2004. № 4. С. 155–183.

3. Существо русского символизма, как он окончательно себя у нас обнаружил, в значительной степени разнится от того литературного направления, которое принято называть символизмом в применении к Западу. Западный символизм, особенно французский, по существу, скорее может быть назван декадентством. Наиболее последовательным нашим ранним декадентом явился А. Добролюбов, принципиально же символическую позицию заняли Вл. Соловьев, Минский, Мережковский.

4. Сборники «Русские символисты» явились попыткой привить русской поэзии западные формы декадентства.⁶² Поэтическая практика «Русских символистов», однако, эклектична. Наряду с подражанием крайним образцам «новой» поэзии (Маллармэ, Метерлинк), мы наблюдаем в этих сборниках и продолжение традиций русских поэтов школы чистого искусства и связь с лирикой Гейне.⁶³

5. Сопровождающие «Русских символистов» предисловия Брюсова и ряд его ненапечатанных статей, замет<ок> и писем дают любопытную картину теоретической эволюции на протяжении 2-х лет главы раннего московского символизма, точнее декадентства. От взгляда на символическую школу, как на равноправную в ряду других, Брюсов постепенно переходит к утверждению абсолютного превосходства и даже исключительности символического искусства («Эдг. Поэ, как поэт, выше Шекспира»). В определении существа символизма для Брюсова неизменно определяющим моментом является художественный прием, а не содержание.

6. Брюсов явился не только фактическим редактором сборников, широко осуществлявшим свои редакторские права, но и автором большей части напечатанного материала. Ознакомление с архивом Брюсова дает любопытную картину тех многочисленных исправлений и переделок, которые он допускал в помещенных в сборниках стихах других авторов. В ряде случаев мы имеем дело с такими «исправлениями», которые могут характеризоваться почти как самостоятельное творчество Брюсова.

7. Некоторые имена, которыми подписаны стихи в «Русских символистах», вымышлены. Это искусно скрытые псевдонимы самого Брюсова. В этом убеждает ознакомление с черновыми тетрадями Брюсова, дающими материал для раскрытия упорных мистификаций, к которым любил прибегать Брюсов.

8. Появление «Русских символистов» вызвало обильную критическую литературу, характеризующую собой то эстетическое окружение, в котором

⁶² Далеко не случайно и закономерно появление приблизительно в это же время такой темы в ряду прозвучавших на заседаниях ЛС докладов, как «Валерий Брюсов и французский символизм» — ей посвятил свое выступление 11 июня 1926 года (несостоявшаяся публикация которого предполагалась в сборнике «Ранний русский символизм») В. Ф. Саводник: «Ситуация в русской литературе в середине 90-х годов имела мало общего с ходом развития литературы французской; поэтому перенос к нам французского символизма был в значительной мере делом механического подражания, а не органического роста. Характер дарования самого Брюсова соответствовал принятой им на себя задаче — стать проводником символизма в русской литературе». Протокол заседания зафиксировал и очень важное замечание Гудзиева, обращенное к докладчику: «Брюсов подлинным символистом не был. В первые годы своей деятельности он был декадентом, а позднее стал парнасцем <...> Весьма показательно, что Брюсов только в одной его статье „Ключи тайн“ касается идейной стороны символизма, а впоследствии он никогда глубин символизма не раскрывал. Влияние на него французского символизма было чисто формальное. И вообще неясно, были ли французские символисты настоящими символистами в том значении этого слова, в каком его понимают у нас, ибо у них не замечается тенденции вскрыть номенальную суть вещей, которая так ярко проявляется, напр<имер>, у Блока и Андрея Белого. Даже Верлен был декадент, а не типический символист» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 36. Л. 53а–54).

⁶³ Вслед за Брюсовым Н. В. Гужиева в своей статье напоминает о «двух отрицающе разных источниках юношеского вдохновения» поэта — о «французском модернизме» и «отечественной традиционной лирике» (Гужиева Н. В. «Русские символисты» — литературно-книжный манифест модернизма. С. 65).

очутилось наше раннее декадентство.⁶⁴ Эта литература существенно важна и для утверждения тезиса о декадентской преимущественно стихии в раннем московском символизме.

23/IV 26.

Ник. Гудзий⁶⁵

* * *

История русского символизма, последовательное изучение которой на богатом архивном и печатном материале Гудзий продолжал многие годы, закономерно привела его к задаче определения основных особенностей поэтики символизма, важнейших предпосылок и почвы для ее формирования. Двигаясь в этом направлении, он вернулся к своим изысканиям, начатым в 1923–1924 годах, когда на заседаниях ЛС прозвучали его первые два доклада о Тютчеве. Во втором из них — «Тютчев и немецкий романтизм» (отметим в скобках, что ему предшествовала монография Ю. Н. Тынянова «Тютчев и Гейне» (1922), в которой также затрагивался этот сюжет) — содержится упоминание о работе над темой, реализованной в комментируемом нами докладе и впоследствии в обширном монографическом исследовании «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», законченном в сентябре 1928 года и напечатанном в 1930 году. По собственному признанию автора, «попытка разрешить поставленный в заглавии вопрос является частью более общей задачи — изучения русской художественной традиции в поэтической культуре русского символизма или, пожалуй, задачи еще более широкой — уяснения роли русской духовной традиции в судьбах русского символизма вообще».⁶⁶ Этой же теме были посвящены и некоторые выступления коллег Гудзия в ГАХН; назовем доклады, предшествующие по времени публикуемому нами ниже докладу — «Баратынский и символизм» Г. О. Винокура (5 июня 1925 года)⁶⁷ и «Жуковский и символизм» С. М. Соловьева (8 октября 1926 года).⁶⁸

Напомним, что Г. И. Чулков еще в 1904 году назвал Тютчева «первым русским символистом», открывающим «в мировом хаосе до него неведомые тайны»,⁶⁹ а В. М. Жирмунский спустя десять лет высказался несколько более подробно о «родословной» русского символизма: «От Тютчева через Фета и Вл. Соловьева <...> струя романтической лирики подготавливает наступление символизма».⁷⁰ Таким образом, важность изучения поставленной в работе

⁶⁴ Ср.: «До сих пор не отменены обвинения в дурной субъективности и эстетстве со стороны первых читателей, оказавшихся не готовыми к восприятию колоссальной литературной реформы Брюсова, подхваченные затем критикой, дисциплинарно подчинившейся идеологическим предписаниям о декадентстве как разложению культуры буржуа. Наиболее благоприятные для объективных оценок 1900-е годы также не богаты ими» (Там же. С. 64).

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. № 3. Л. 210–211 об. (автограф), 212–212 об. (машинопись).

⁶⁶ Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. III. Кн. 2. С. 465.

⁶⁷ Саливетти К. О статье Винокура «Баратынский и символисты» // *Russica Romana*. 1994. Vol. 1. P. 121–128; Винокур Г. О. Баратынский и символисты / Публ. и прим. К. Саливетти // *Ibid*. P. 129–156. За указание на эту публикацию, как и за другие важные советы и замечания, которые позволили сделать предлагаемую вниманию читателей работу полнее и интереснее, мы сердечно признательны А. В. Лаврову.

⁶⁸ Протокол заседания и тезисы доклада см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 47. Л. 3–5.

⁶⁹ Чулков Г. Светлеют дали // *Весы*. 1904. № 3. С. 16.

⁷⁰ Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 197. Гудзию были хорошо известны эти оценки, как и еще одна, принципиально важная и принадлежащая Вячеславу Иванову — «подлинный родоначальник нашего истинного символизма» (Иванов Вяч. Заветы символизма // *Аполлон*. 1910. № 8. С. 13). В статье Гудзий упомянул и работу еще одного своего предшественника, в которой были приведены отзывы о Тютчеве некоторых

Гудзия во всей полноте научной проблемы была обозначена еще в начале века. Логичным и последовательным результатом большой предварительной работы стало выступление Гудзия 20 мая 1927 года на заседании Подсекции истории русской литературы с докладом «Тютчев в русском символизме».⁷¹ Вот его тезисы:

1. Ряд поэтов, виднейших участников символистической школы (В. Иванов, Блок, Чулков и др.) утверждают органическую связь русского символизма не с западными течениями, а с русскими литературными традициями. Это утверждение обязывает к установлению связи русского символизма с предшествующей русской поэзией, в первую очередь с Тютчевым.

2. Большое влияние Тютчева на поэтов-символистов подтверждается: 1) личными признаниями поэтов, 2) значительным вниманием, которое они уделяли в своих критических высказываниях и посвященных им историко-литературных работах, 3) анализом поэтической продукции символистов.

3. Крупная роль популяризации Тютчева принадлежит Вл. Соловьеву, впервые наиболее глубоко интерпретировавшему философский смысл творчества Тютчева и испытывавшему его влияние как поэта.

4. Наиболее сильное воздействие Тютчев оказал на творчество Коневского, Вяч. Иванова, Балтрушайтиса, Брюсова. Воздействие Тютчева испытали в большей или меньшей мере Мережковский, З. Гиппиус, Блок, Вл. Гиппиус, Чулков, Верховский, Волошин, С. Соловьев, Диесперов, Кречетов и др.

5. Культ Тютчева, характерный для поэтов-символистов, распространил его влияние и за пределы символизма в его обычном персональном приурочивании. Следы Тютчевского влияния ощутимы в лирике Ходасевича, Мандельштама, Ахматовой и др.⁷²

Протокол заседания отразил дискуссию и заключительное слово докладчика весьма полно. Отметим на редкость содержательное выступление Усова, который, указав Гудзию на ближайшие возможные исследовательские перспективы его труда, вполне справедливо назвал представленный ученым доклад «программой исследования тютчевского влияния в русском символизме», добавив от себя — полностью и успешно реализованной спустя три года «программой». Сопоставляя тезисы доклада с монографической статьей Гудзия, мы находим этому множество доказательств, равно как и тому, что масштаб и уровень воплощения этой программы многократно ее превзошли.

Протокол № 12 заседания п/с истории русской литературы
Литературной секции ГАХН от 20 мая 1927 г.

Присутствовали: А. В. Артюшков, Н. К. Гудзий, В. А. Дынник, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, Д. С. Усов, Г. И. Чулков, Г. А. Шенгели, И. Р. Эгес.

Приглашенных: 30 чел <овек>

Председатель: М. А. Петровский

Ученый секретарь Д. С. Усов

поэтов и критиков-символистов: *Благой Д.* Тютчев, его критики и читатели // Тютчевский сборник (1873–1923). Пг., 1923. С. 63–105.

⁷¹ Летом 1928 года, когда работа над статьей по материалам доклада близилась к завершению, С. Н. Дурылин в письме к Гудзию сообщал: «Очень интересуюсь Вашей статьей о Тютчеве и символистах. Учеником Тютчева признавал себя Вяч. Иванов, а <В. В.> Бородаевский («Уединенный дол», «Мусагет») даже писал о нем книгу для „Пути“. Белый бесподобно читал „Часов однообразный бой“» (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 24. № 28. Л. 2; открытка, отправленная из Томска 9 июля 1928 года).

⁷² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 47. Л. 41. Машинопись.

<...>

Заслушано З. Доклад Н. К. Гудзия.

Тютчев в русском символизме
Прения по докладу

Г. И. Чулков отмечает, что в докладе многое остается неразвитым. Так как докладчик выходит за пределы чисто литературные — оппонент напоминает один эпизод 1913 г.: после лекции Мережковского о Тютчеве произошло столкновение его с Ф. Сологубом; оно привело к обмену письмами, которые потом попали в печать. Эта переписка очень важна для темы доклада.⁷³

Д. С. Усов находит, что доклад поставлен слишком общо, являя, в сущности не более, как программу, по которой двинется дальнейшее исследование тютчевского влияния в русском символизме. Доклад дает не «принципиальную точку зрения», как утверждает докладчик, а только некоторые точки соприкосновения. Не удовлетворяет само построение доклада: может быть, лучше было не провести исследование по портретной галерее русских символистов, больших и малых, а сгруппировать материал вокруг таких основных устоев, как «Высказывания символистов о Тютчеве», «Тютчевская тематика в символизме», «Отражение Тютчевского словаря у символистов» и т. д. Тогда исследование тютчевской традиции приняло бы отчетливые очертания.⁷⁴ Сейчас возможны лишь фактические дополнения к данному <докладу> или указания фактических недочетов. Не все текстуальные сближения убедительны. Так, бездоказательно сближение брюсовского «Все каменней ступени» с тютчевским «все лазурней», не доказано воздействие ритмики «Последней любви» на ритмику «Вечеровых песен». У Балтрушайтиса пропущено такое тютчевское стихотворение, как «Тишь... Безмолвие лесное». Из разновременных мелких поэтов символизма — которых желательно вообще привлечь более широко — надо упомянуть Софию Парнок, в лирике которой очень сильна тютчевская струя, и В. К. Шилейко с его стилизующим стихотворением «В манере Тютчева»: «Кругом не молкнет птичий голос, а посмотри — какая синь...».⁷⁵ Вообще же, плодотворнее было бы ограничение периода символизма, изучаемого в отношении тютчевского влияния.

И. Р. Эйгес выдвигает вопрос, было ли влияние Тютчева на символистов влиянием словарным или влиянием символического мироощущения. Возможно установить тройное воздействие: 1) воспитание мифического мироощущения, 2) влияние символической поэзии или 3) независимое влияние Тютчева на поэтов.⁷⁶ Влияние может идти в трех направлениях: аллегория,

⁷³ Дата указана Чулковым не совсем точно (этот эпизод имел место в январе–феврале 1914 года), см. о нем, в частности: *Клейнборт Л. М.* Встречи. Федор Сологуб / Публ. М. М. Павловой // *Русская литература*. 2003. № 2. С. 110, 118–119.

⁷⁴ Композиция статьи Гудзия в результате не претерпела существенных изменений по сравнению с принципами построения доклада. В ее основе — «портретная галерея» символистов (Мережковский, Льдов, Коневской, Брюсов, Вяч. Иванов, Балтрушайтис, Блок, Вл. Гиппиус, Диеперов, Чулков, Верховский, С. М. Соловьев, Волошин, С. Кречетов), а внутри главок или абзацев (часто в несколько строк), посвященных творчеству каждого из них, анализируемый материал распределен по проблемам: тематика и образность, приемы и формы их словесного воплощения, эпитеты, метрика, инструментовка и др. Вместе с тем почти в каждой главе Гудзий, как к тому призывал Усов, останавливается и на высказываниях того или иного поэта о Тютчеве, и на отражении в его творчестве словаря и тематики Тютчева, и на других, близких к ним проблемах.

⁷⁵ Этот стихотворный пример Гудзий в свою статью не включил и творчества упомянутых Усовым и Эйгесом поэтов в ней не коснулся.

⁷⁶ На эту тему Гудзий сделал в своей статье специальную оговорку о том, что «усвоение тютчевской традиции в самой поэтической практике поэтов-символистов <...> обнаруживается как в плане тематическом, так и в плане чисто структурном, в заимствовании у Тютчева приемов

символ и миф. Вячеслава Иванова и Коневского следовало бы выделить. Нельзя все символическое в русской поэзии так прямо относить к Тютчеву. До него сильно влиял Жуковский, возможно — воспитавший символику Тютчева. Вл. Соловьев и Блок решительно связываются более с Жуковским, чем с Тютчевым. По линии словесного воздействия можно было сделать более определенную группировку. По поводу отдельных поэтических примеров надо заметить, что Мережковский является аллегористом, Сологуб напрасно отведен с такою решительностью — магия ночи в его лирике могла все же питаться Тютчевым. Очень удачно упомянут Льдов. В ряде посредников между Тютчевым и символизмом следует упомянуть Голенищева-Кутузова.

П. А. Журов присоединяется к предыдущим оппонентам в оценке доклада. Доклад имеет первоначальный обзорный характер. В нем отсутствует интереснейшее различие традиций формальной и мифологической. Предлагается ряд высказываний символистов о Тютчеве, дается богатая россыпь поэтических созвучий. Но докладчик мало касается совпадений в основном мироощущении. Одна из основных граней тютчевской поэзии — «порог двойного бытия», ее разделяют с ним поэты-символисты. Тема вечной женственности также намечена у Тютчева — стих «День вечереет». В основном миропонимании Блок, символисты и Тютчев, их родоначальник, разделяют один общий путь. В этом смысле к Тютчеву всего ближе Вячеслав Иванов. Мало уделено внимания Белому.

Л. П. Семенов: в докладе, несомненно, есть известная, хотя и намеренная — беглость и программность. Перед нами в сжатом виде план дальнейшего исследования. Сообщенные примеры в большем числе убедительны. В виде итога желательны указания на значение формальной, особенно звуковой стороны тютчевской лирики для символистов. В докладе ценны 1) широкий подход вплотную к теме, пересмотр вопроса, 2) указание того значения, какое имели русские истоки нашего символизма.⁷⁷

М. А. Петровский: подход докладчика — широкий, но не «вплотную». Докладчик поставил перед собою слишком огромную задачу. Это материал для целой книги. Доклад должен быть принят как программа и вступление к соответственному исследованию.

Д. С. Усовым уже отмечено, что не все сближения одинаково убедительны. Совершенно неожиданно сравнение стихотворения Брюсова «Холод ночи; смерзлись тучи» с тютчевским «Зима не даром злится». Брюсовская строка «Все каменной ступени» могла быть связана с неологизмами в самой школе символистов.

Путь построения работы уже указан Д. С. Усовым. Исследование надо строить, не развертывая галерею поэтов — что легче, сколько развертывая ряд проблем — синтаксис, лексику, фонику Тютчева.

Удивляет, что докладчик легко отстранил Ф. Сологуба. В нем, м<ожет> б<ыть> чище, чем в ком-либо другом, течет источник тютчевских вдохновений. Также и для Андрея Белого Тютчев обладал впечатляющей силой.

Из поэтов меньших напрасно пропущен Юрий Сидоров. Очень существенно замечание по поводу промежуточных поэтов: здесь необходимо дифференцировать влияние (Фет и Тютчев); надо различать органическое воздействие

и форм словесного воплощения». Но еще более значительна, по его мнению, иная форма — «органическое приобщение к глубинам тютчевского космического мироощущения, свидетельствующее о некоей конгенитальности с Тютчевым тех поэтов, которые так близко с ним соприкоснулись» (Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма. С. 548).

⁷⁷ Ср. в статье Гудзия: «...поэты-символисты склонны были видеть источник русского символизма не в западной традиции, как обыкновенно принято было думать, а именно в творчестве Тютчева» (Там же).

и стилизацию. Под таким углом зрения многие обследуемые явления нашли бы себе место либо здесь, либо там. В отношении стилизаторов — кроме отдельного небольшого примера Шилейко — должен быть назван Брюсов. Десперов относится к области органического воздействия. Вячеслав Иванов в этом отношении для оппонентов проблематичен.

Для разработки трудного вопроса о влиянии мы, вообще, еще не достаточно знаем поэтику Тютчева. Мы еще слишком многое считаем архаизмом и оживленной этимологией — напр<имер>, эпитет «баснословный».

Обследовав влияние Тютчева на символизм, мы сможем возвратиться к поэту и «отраженно» будем строить его поэтику. Можно предложить такой метод для исследования влияний: читать Тютчева и узнавать в нем позднейших поэтов. Аналогично тому, как в музыке, разбирая творчество Бетховена, видишь, из какой пьесы вышли Мендельсон, Шуман и т. д. В этом смысле очень удачен был опыт с Ахматовой, выходящей за пределы символизма. Но это путь усложнений и требующий большого знания *разных поэтов*.

Работа Н. К. Гудзия побуждает желание идти дальше в исследовании влияния Тютчева на русский символизм.

Н. К. Гудзий: существует два метода докладов 1) <по>дача конкретного исследования на небольшом материале, 2) предварительное сообщение — когда приступающий к большой работе делится мыслями по поводу своей работы; этим путем и хотел идти докладчик; при том свои наблюдения он доложил *частично*.

Сделанное Д. С. Усовым и другими оппонентами предложение иной группировки докладчик принимает; основные черты тютчевской поэтики им уже исследованы.

Замечание И. Р. Эйгеса о влиянии мифологемы Тютчева и о влиянии его фоники на символистов надо будет учесть. Влияние же Жуковского, конечно, не могло быть объято данною работой. П. А. Журову докладчик отвечает, что в Блоке Тютчева найти трудно. Формальное обследование не производилось потому, что это значительно увеличило бы объем доклада. Последнее является также ответом Л. П. Семенову.

Докладчик не соглашается с утверждением М. А. Петровского об органическом воздействии Тютчева на Сологуба и Ю. Сидорова. Вяч. Иванов — великолепный стилизатор, прежде всего; он совершенно лишен той подлинной наивности, которая есть у Коневского и Балтрушайтиса.⁷⁸

* * *

Осенью 1927 года ЛС избрала в качестве одной из «стержневых» плановых тем своей работы на ближайшие два академических года биографию и творчество Л. Н. Толстого, столетие со дня рождения которого планировалось отметить в сентябре 1928 года. В круг проблем, намеченных к изучению, входили: литературные связи, творческая история, мотивы и композиция произведений писателя, эволюция его мысли и литературно-критических взглядов.⁷⁹ Разумеется, одним из первых в эту работу включился Гудзий. Ниже мы печатаем тексты двух его докладов, посвященных Толстому, — двух его последних заметных выступлений в ГАХН.

18 ноября 1927 года на заседании Подсекции истории русской литературы прозвучал доклад Гудзия «Толстой и Лесков». Одноименная статья увидела свет в начале следующего, 1928 года, в журнале «Искусство», став первой

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 47. Л. 39–40 об. Машинопись.

⁷⁹ Там же. № 74. Л. 9, 50.

в ряду работ ученого, посвященных Толстому, и обозначив эту центральную (на три с половиной десятилетия вперед) тему его исследований. Как мы уже упоминали, весной 1924 года Гудзий подготовил статью под тем же названием, но публикация ее тогда не состоялась. Таким образом, доклад в ГАХН стал вторым этапом в изучении темы «Толстой и Лесков».

Первенство в постановке этого вопроса Гудзий разделил со своим младшим коллегой, уже в 1920-е годы сделавшим значительные открытия в лесковедении. С. П. Шестерикову, еще в 1927 году напечатавшему одно из писем Толстого Лескову (от 7 октября 1894 года),⁸⁰ возможно, были неизвестны и доклад, и статья Гудзия, как и Гудзию, в свою очередь — публикация Шестерикова, во всяком случае — на момент их появления. Ближе к концу 1928 года увидели свет еще две его работы — «Толстовские материалы из архива Н. С. Лескова» и обширная подборка писем Лескова к Толстому, в которых молодой исследователь ввел в научный оборот значительный корпус материалов по этой теме.⁸¹ По-видимому, в силу объективных обстоятельств учесть открытое коллегой и внести какие-либо принципиальные изменения в свои работы, находившиеся в печати, оказалось для обоих исследователей невозможным. Но об этом не могли не знать присутствовавшие на заседании Н. Н. Апостолов, зачитавший письмо Толстого, и Н. Н. Гусев, один из редакторов сборника, где появилась первая из упомянутых нами публикаций — на заседании он осторожно упоминает октябрьское письмо Толстого Лескову 1894 года как еще не напечатанное.⁸² Шестериков в сопровождающей текст письма вводной заметке указал на ставшие известными в 1891, 1911 и 1913 годах пять писем Толстого к Лескову. Гудзий счел необходимым в своей статье 1928 года, основой для которой послужил доклад, отметить библиографический труд Шестерикова «К библиографии сочинений Н. С. Лескова» (1925), зафиксировавший все печатные выступления Лескова, связанные с Толстым (как подписанные самим автором, так и впервые атрибутированные составителем). Все перечисленные выше работы практически исчерпывают круг материалов по теме «Толстой и Лесков», известных к концу 1920-х годов.

Тезисы доклада Гудзия, которые мы приводим ниже полностью, как и протокол заседания, достаточно подробно отразили и содержание доклада, и последующее его обсуждение. Выступление Л. Я. Гуревич ценно не только как фактическое уточнение, но и как важное мемуарное свидетельство. Скажем несколько слов о самом эпизоде, комментируемом ею. В 1890–1891 годах в переводах английского ученого и журналиста, специального корреспондента «Daily Telegraph» в Петербурге Эмилия Диллона вышли в свет «Крейцера соната», «Ходите в свет, пока есть свет», «Семейное счастье», «Плоды просвещения». Диллон состоял в переписке с Толстым еще в 1880-е годы, но никаких документальных свидетельств за этот период не сохранилось. Упомянутый Гуревич эпизод связан с обстоятельствами издания перевода запрещенной цензурой статьи Толстого «О голоде», выполненного Диллоном по гранкам, предоставленным ему П. А. Гайдебуровым с одобрения автора. Перевод был напечатан в «Daily Telegraph» в январе 1892 года в нескольких номерах в виде отдельных «писем» под общим названием «Почему русские крестьяне голодают?». Вскоре

⁸⁰ Письмо Л. Н. Толстого к Н. С. Лескову (Из архива Н. С. Лескова) / Вводная заметка С. Шестерикова // Толстой и о Толстом: Новые материалы. М., 1928. Сб. 4. С. 11–13.

⁸¹ Письма Н. С. Лескова / Ред. и вступ. заметка С. П. Шестерикова // Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С. 60–189; Толстовские материалы из архива Н. С. Лескова / С комм. С. П. Шестерикова // Лев Николаевич Толстой: Юбилейный сб. / Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. М.; Л., 1928 [на обл.: 1929]. С. 321–331.

⁸² Более того, не следует забывать, что Апостолов посвятил специальную главу в своей книге «Лев Толстой и его спутники» (М., 1928) взаимоотношениям двух писателей.

в газете «Московские ведомости» появилась передовая статья, где на основе обратного неточного перевода текста Толстого с английского делался вывод о том, что «письма графа Толстого являются открытою пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя». С. А. Толстая подготовила опровержение в форме «Письма к издателю», заявив, что ни она, ни сам Толстой никаких материалов в иностранные издания не посылали, а опубликованные на страницах «Московских ведомостей» фрагменты охарактеризовала как «до неузнаваемости искаженные выдержки из статьи Льва Николаевича, предназначавшейся для журнала „Вопросы психологии и философии“». Опровержение опубликовано не было, но о содержании его было доведено до сведения Диллона в телеграмме, отправленной ему редакцией «Daily Telegraph». Журналист приехал в Бегичевку с письмом В. С. Соловьева, поддержавшим его. В присутствии Диллона Толстой составил письмо, ему же и адресованное, где разъяснил возникшее недоразумение, полностью сняв вину с него и возложив ее целиком и полностью на редакцию «Московских ведомостей» — именно там 12 марта Диллон и опубликовал его.⁸³

<Толстой и Лесков>

1. Тяготение Лескова к Толстому начинается с 80-х гг., еще до их знакомства. Оно обнаруживается в ряде газетных статей, написанных Лесковым о Толстом в сочувственном духе.

2. Непосредственно <след> за знакомством обоих писателей в 1887 г. начинается их оживленная переписка, особенно интенсивная со стороны Лескова. Она тянется почти вплоть до смерти Лескова. За это время Лесковым было написано Толстому до 50-ти писем, доньше неопубликованных и хранящихся в рукописном отделении Ленинской библиотеки.

3. В этой переписке находим ряд ценных указаний, касающихся процесса создания произведений Лескова и в еще большей мере — материалы для уяснения духовной эволюции Лескова, обусловленной сильным влиянием на него Толстого.

4. Толстой не однажды высказывался о Лескове как о человеке и естественно как о писателе. Несмотря на противоречивость последних высказываний, все же очевидно, что Толстой высоко расценивал художественный талант Лескова.

5. Несмотря на подавляющее влияние на Лескова личности и проповеди Толстого, Лесков умел проявлять критическое отношение, как к самому Толстому, так и к его последователям. Органическая разница в подходе к сходным проблемам между Толстым и Лесковым хорошо уясняется на сравнении «Крейцеровой сонаты» Толстого и очерка Лескова «По поводу „Крейцеровой сонаты“».⁸⁴

Протокол № 4

Заседания Подсекции истории русской литературы
Литературной секции от 18 ноября 1927 г.

Присутствовали: Н. К. Гудзий, Л. Я. Гуревич, Л. П. Гроссман, Н. Н. Лямин, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, И. Н. Розанов и мн. др., всего 65 человек. <...>

Открыл заседание П. Н. Сакулин. После перерыва (объявленного во время чтения доклада) председательство принял М. А. Петровский, обязанности секретаря исполнял Ю. Г. Перель.

⁸³ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 66. Письма 1891 (июль–декабрь) — 1893. С. 125–126, 144–146.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 59. Л. 15. Машинопись.

В заседании происходило следующее:

Н. К. Гудзий прочел (с перерывом) доклад на тему «Толстой и Лесков» (тезисы прилагаются)

В прениях по докладу:

Л. Я. Гуревич сообщает фактическую поправку к сообщению (приведенному докладчиком) о коллизии, возникшей в 1892 г. между Толстым и журналистом Диллоном после известной статьи «Московских ведомостей». 27/VIII 1892 г. оппонентка, перед своим отъездом в Ясную Поляну, виделась с Лесковым, который в разговоре с ней упомянул о своем нервном состоянии в связи с действиями Толстого, направленными к его реабилитации. Лесков просил Л. Я. не сообщать Толстому содержание этого разговора. Однако, после приезда оппонентки в Ясную Поляну, Толстой сам заговорил об отношении Лескова к эпизоду с Диллоном и выразился так об этом эпизоде: «Это тяжелая история, которая меня угнетает; опровергнуть письмо я не мог — но я написал Диллону: объяснил ему все и жду ответа». Ответ вскоре был получен (до отъезда Л. Я. из Ясной Поляны). Л. Н. по прочтении его сказал: «Прекрасное письмо, он меня прощает» и заплакал. Далее он говорил, что никогда не забудет откровенного отношения Лескова к нему во время описываемого эпизода и высоко ценит такую откровенность. Подобное указание со стороны Толстого наводит Л. Я. на мысль, что Лесков непосредственно обращался к Л<ьву> Н<иколаевичу> с письмом, в котором изложил свое отношение к линии поведения, взятой Толстым в отношении всей этой тягостной истории.

Н. Н. Гусев отмечает ценность работы, проделанной докладчиком, и указывает, что переписка Толстого и Лескова сохранилась только частично — за целые годы не сохранилось ни одного письма, уцелевшие письма Толстого к Лескову считаются буквально единицами (есть неопубликованное письмо от 7.X.1894 г.).

Как художники слова, Толстой и Лесков не были близки между собой. Различная писательская манера, специфический стиль, присущий каждому из них — все это не могло их сроднить. Толстой принципиально отвергал художественную обработку народных сюжетов, ставил это в вину <Гете> и Шиллеру и отрицательно относился за это к Лескову.⁸⁵ Впоследствии, получив в дар от Эдисона фонограф, Толстой переделал для записи на валике рассказ Лескова, придав ему соответственно и другое название — «Воров сын». И в плане религиозно-философском также не было внутренней близости между Толстым и Лесковым — оба писателя ценили друг в друге крупных людей — и только отдельные черты в отношении Лескова к нему — сравнение его с Филаретом и частое повторение обычных возражений против Толстовского учения — указывает, что в глубинные основы этого учения Лесков не проникал.

По поводу Диллоновского эпизода Н. Н. указывает, что ничего предосудительного, по отношению к Диллону, Толстой не совершил. Писем в английские газеты он не писал. «Московские Ведомости» допустили искажение фактов, а значительная доля ответственности за происшедшее пала на С. А. Толстую.

Вопреки указаниям М. Горького (в его воспоминаниях) Толстой не считал Лескова «вздорным» писателем. Вообще показания Горького на три четверти фантастичны — напр<имер>, он указывает на близкое отношение Толстого к Л. Суллержицкому, тогда как в действительности между ними такого знакомства не было.⁸⁶

⁸⁵ Ср. ниже, в приведенных фрагментах воспоминаний Горького о Толстом.

⁸⁶ Речь идет о мемуарном очерке Горького «Лев Толстой», опубликованном в пяти номерах газеты «Жизнь искусства» в сентябре–октябре 1919 года, а затем включенном в книгу «Воспоминания» (1923). Прочитируем упомянутые Гусевым фрагменты очерка: «К Суллержицкому он

Н. Н. Апостолов читает неопубликованное письмо Толстого к Лескову от 7/X 1894 г. — в этом письме Л. Н. пишет, что не может прислать написанного им, так как оно несовершенно (речь идет о «Христианском учении»).

Е. Г. Адамова интересуется вопросом о возможных причинах тяготения Лескова к Толстому и отталкивания от него. Повод для отталкивания оппонента находит в православном мистицизме Лескова.

А. П. Глаголев развивает соображения, касающиеся той плоскости, которой касался докладчик, — именно социологической интерпретации Толстого и Лескова.

Н. К. Гудзий благодарит оппонентов и подчеркивает необходимость <сравнить отношение> Толстого к Диллону с рецензией, помещенной в «Московских Ведомостях». По поводу замечаний Е. Г. Адамовой Н. К. указывает, что Лесков специально воспринимал православие, был знатоком богословской литературы (даже побивал в спорах К. Леонтьева), но самого его тяготило мистическое бремя и влекло к рационализму. Толстой и Лесков были идеологически различны, их отношения вовсе не касались вопросов религиозного порядка. Отвечая А. П. Глаголеву, докладчик разъясняет, что он интересовался Толстым и Лесковым как сложившимися литературными величинами, совершенно не касаясь вопросов, связанных с той почвой, на которой эти величины сформировались и получили свою идеологическую окраску.⁸⁷

* * *

7 декабря 1928 года Гудзий на заседании Подсекции истории русской литературы выступил с докладом «Лев Толстой о русской литературе». Тезисы не сохранились, протокол также ни в малой степени не отразил его содержания. Но статья Гудзия, увидевшая свет в следующем году в подготовленном силами сотрудников ГАХН сборнике статей «Эстетика Льва Толстого» (М., 1929), полностью основана на тексте доклада и включает все его основные находки и выводы. Концептуальную задачу своей работы Гудзий определял следующим образом: «В системе эстетических взглядов Толстого суждения его о тех или иных фактах словесного искусства занимают, естественно, преимущественное место. Они заключены не только в таких трактатах, как „Что такое искусство?“ или „О Шекспире и о драме“, но и в статьях педагогического характера, в предисловиях к отдельным произведениям различных писателей, далее — в обширной переписке, в дневниках самого Толстого, а также в дневниках, записях и воспоминаниях тех лиц, которые были близки с Толстым, общались с ним или являлись его эпизодическими собеседниками. Систематизация всех, очень многочисленных высказываний Толстого о литературе и о писателях является, с одной стороны, естественным комментарием и конкретной иллюстрацией к его основному эстетическому трактату „Что такое искусство?“, с другой стороны — прямым дополнением к этому трактату, по-

относится с нежностью женщины <...> Сулер вызывает у него именно нежность, постоянный интерес и восхищение»; «Вот как хорошо сочиняют мужики. Всё просто, слов мало, а чувства — много. Настоящая мудрость немногословна, как — Господи помилуй <...> все мужики говорят у вас очень умно. В жизни они говорят глупо, несуразно, — не сразу поймешь, что он хочет сказать. Это делается нарочно, — под глупостью слов у них всегда спрятано желание дать выговориться другому. Хороший мужик никогда сразу не покажет своего ума, это ему невыгодно <...> А у вас — всё нараспашку, и в каждом рассказе какой-то вселенский собор умников. И все афоризмами говорят, это тоже неверно, — афоризм русскому языку не сроден <...> Потом вы прикрашиваете всё: и людей и природу, особенно — людей! Так делал Лесков, писатель вычурный, вздорный, его уже давно не читают» (*Горький М. Воспоминания: Н. Е. Каронин-Петропавловский. А. П. Чехов. Лев Толстой. М. М. Коцюбинский. Леонид Андреев. Берлин, 1923. С. 43, 48*).

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 59. Л. 13–14. Машинопись.

скольку из них извлекаются такие данные, которых в трактате мы не найдем <...> Это дает возможность в ряде случаев и доискаться генезиса основоположных мыслей Толстого об искусстве и проследить дальнейшее их развитие <...> В виду обширности задачи ограничиваем себя материалом исключительно русской литературы, причем намеренно привлекаем не все высказывания Толстого на этот счет, а лишь наиболее существенные и определительные».⁸⁸

Гудзию удалось проследить эволюцию взглядов Толстого на своеобразие, значение и роль словесного искусства (включая сюда и образцы народного творчества), специфику писательского труда и формирования писательской репутации на богатом фактическом и иллюстративном материале, охватившем шесть десятилетий — от дневниковой записи, датированной весной 1851 года, в которой Гудзий усматривал «зерно» будущего трактата, до позднейших высказываний Толстого 1910 года, зафиксированных современниками из ближайшего круга общения писателя.

Протокол № 6

Заседания п/с истории русской литературы
Литературной секции ГАХН от 7-го декабря 1928 г.

Присутствовали: А. В. Алпатов, Б. В. Горнунг, Н. К. Гудзий, П. А. Жуков, В. Д. Измаильская, Н. Н. Лямин, Б. В. Михайловский, Б. В. Нейман, Ю. Г. Перель, А. А. Реформатский, Д. С. Усов, И. Р. Эйгес.

Посетителей 25 человек

И.о. председателя Н. Н. Лямин

Ученый секретарь Д. С. Усов

Заслушано: Доклад Н. К. Гудзия «Лев Толстой о русской литературе».
Прения по докладу

И. Р. Эйгес находит, что характеристика Фета, данная Н. К. Гудziem, более приложима к Тютчеву. Толстой был более близок жизненно к Фету — человеку и помещику, нежели к Фету — лирику. Не исключается и сродство черт в характерах Толстого и Фета. В поэзии же Фета Толстой ценил не ее «серафическое начало», не «струю эфирности», а иррационализм, из которого выходит все творчество Толстого, вопреки его собственному рационалистическому толкованию творчества.⁸⁹ В Гоголе Толстой ценил чистейший юмор, чего нельзя не отметить.⁹⁰ После некоторых частных замечаний по разделам, посвященным Тургеневу, Гончарову и Аксакову, оппонент подчеркивает, что в работе приведены 4 оценки, исключительно важные для истории литературы, причем лишь первая из них была до сих пор учтена критикой: 1) «Гоголь — наш Паскаль» 2) сближение Тургенева и Жуковского

⁸⁸ Гудзий Н. Толстой о русской литературе // Эстетика Льва Толстого: Сб. статей / Под ред. П. Н. Сакулина. М., 1929. С. 185–186.

⁸⁹ Ср. в статье Гудзия: «Несмотря на огромную разницу в их (Толстого и Фета. — М. Ф.) умственном и духовном строе, у них была одна общая особенность, которая тесно сближала их и делала натурами родственными — это сходство в непосредственном, „утробном“ чувстве жизни и мира. Оба жадно тянулись к буйным, полнокровным и полновзвучным стихиям жизни. У обоих это стремление было неутолимимым и неутолимым <...> У обоих — творчество, преображавшее земную юдоль, вырастало из самой земли, жило и питалось ее соками и ее жирным удобрением <...> от этой общности непосредственного инстинкта жизни и любовь Толстого к Фету, поэзию которого он воспринимал, большею частью, не мудрствуя лукаво, потому что она говорила „понятным его сердцу языком“, и которую ценил, несмотря на то, что стихи Фета считал иногда лишенными глубины, серьезности и значительности содержания» (Там же. С. 205).

⁹⁰ Эйгес все же ошибается. Отношение Толстого к юмору Гоголя было иным, что и подчеркнул в своей работе Гудзий (Там же. С. 211–215).

3) сближение Успенского с Достоевским и 4) высказывание о Чехове как о «Пушкине в прозе».⁹¹

П. А. Жуков: докладчик приходит к выводу, что в основе всех разноречивых взглядов Толстого на литературу лежала единая эстетическая система: 1) содержание, 2) любовь к своему произведению, 3) техника. Вторым членом этой формулы неясен. В оценках Толстого есть расхождения по основным мотивам, по которым они делались: *противоречивость* ответов не получила достаточного объяснения в докладе.

И. Я. Фейнберг-Самойлов предлагает некоторые дополнения к оценке взглядов Толстого на поэзию и отмечает, что Толстой ценил стихотворения, *несмотря* на их стихотворную данность.

А. В. Алпатов останавливается на одном звене очень интересного доклада: упущено одно высказывание Толстого о Фете, приводимое в дневнике Т. Кузьминской; оно говорит об известном непонимании Фета Толстым.⁹²

Н. Н. Апостолов: 1) хотелось бы восстановить положительные оценки Гончарова, данные Толстым,⁹³ 2) из общей оценки выпали Державин и Лесков, 3) сентенция об аскетической теории искусства у Толстого лишена доказательств.⁹⁴ Что касается доклада, то трудно представить себе более законченный и сжатый вывод из материала оценок русской литературы Толстым.

⁹¹ Приведен фрагмент письма Толстого В. Г. Черткову от 10 октября 1887 года, написанного под впечатлением от чтения «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Пошлость, обличенная им, закричала: он сумасшедший, и 40 лет литература продолжает идти по тому пути, ложность которого он показал с такой силой, и Гоголь, наш Паскаль, — лежит под спудом» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 86. С. 90). Также цитируется фраза Толстого, зафиксированная Г. А. Русановым в воспоминаниях «Поездка в Ясную Поляну (24–25 авг. 1883 г.): «Мне кажется, что о Тургеневе сохранится память, похожая на ту, какую оставил по себе Жуковский» (Толстовский ежегодник. 1912 г. М., 1912. С. 59). Наконец, последняя оценка засвидетельствована Горьким в процитированных выше воспоминаниях (о Г. И. Успенском: «Вот — писатель! Он силой искренности своей Достоевского напоминает, только Достоевский политиканствовал и кокетничал, а этот — проще, искреннее» (Горький М. Воспоминания. С. 76). Фразу Толстого, впервые появившуюся в печати в воспоминаниях М. П. Чехова в июльской книжке «Журнала для всех» за 1905 год, посвященной памяти Чехова («Чехов — это Пушкин в прозе»), Гудзий в 1929 году, готовя статью к печати, из окончательного текста исключил.

⁹² Алпатов, скорее всего, ссылается на первое издание воспоминаний свояченицы писателя, осуществленное «Издательством М. и С. Сабашниковых». Речь может идти о следующем их фрагменте, описывающем один из «литературных обедов» в имении писателя, на котором присутствовала супружеская чета Кузьминских: «Обедали Фет, Григорович, Островский и мы двое. Фет острил, как всегда. Лев Николаевич вторил ему. Всякий пустяк вызывал смех. Например, Лев Николаевич, предлагая компот, говорил: „Фет, faites moi le plaisir“ (сделайте мне удовольствие (фр.))» (Кузьминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. 1846–1862. М., 1925. С. 153). Не исключено, что имеется в виду другой фрагмент — юмористического плана — о знаменитом впоследствии стихотворении Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад»: «Стихи понравились Льву Николаевичу, и однажды он кому-то читал их при мне вслух. Дойдя до последней строки: „Тебя любить, обнять и плакать над тобой“, — он нас всех насмешил: „Эти стихи прекрасны, — сказал он, — но зачем он хочет обнять Таню? Человек женатый...“ Мы все засмеялись, так неожиданно смешно у него вышло это замечание» (Кузьминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. 1864–1868. М., 1926. С. 111).

⁹³ Гудзий в своей статье справедливо отмечает, что положительные оценки Толстым творчества Гончарова единичны и «аннулируются» несколькими несочувственными отзывами (Гудзий Н. Толстой о русской литературе. С. 219–220).

⁹⁴ Речь идет о выводе Гудзиева, основанном на мемуарном свидетельстве А. Б. Гольденвейзера: «...как бы укоряя себя за пристрастие к стихам, за отступничество от своей аскетической теории искусства, Толстой, <...> просматривая биографию Тютчева, написанную Аксаковым, и восхищаясь многими приведенными там стихотворениями, говорил: „Мы так развращены и испорчены, что радуемся этому. Я мало знал Тютчева, но чувствую в нем громадные духовные силы и не могу не жалеть, что они ушли на такие пустяки. А он, очевидно, думал, что писание стихов — это дело необыкновенной важности“» (Гудзий Н. Толстой о русской литературе. С. 203–204).

Н. К. Гудзий: творчество Фета и творчество Толстого в одинаковой мере питались утробным чувством жизни, близостью к *почве*. В отношениях к поэзии для Толстого характерно отсутствие чутья поэтической формы. «Записки охотника» давали Толстому повод отметить известную отсталость в изображении крестьянского быта. Мысль о подчинении эстетических оценок моральным (которую Н. Н. Апостолов определяет как «аскетическую теорию искусства») докладчик склонен отстаивать.⁹⁵

Завершая публикацию материалов, отражающих многолетнюю и разнообразную по темам и жанрам работу Гудзия в ГАХН, необходимо сказать, что этот период в его научной биографии, а именно 1922–1929 годы, представляется, несомненно, этапным, до некоторой степени определившим дальнейшие перспективы развития, эволюции исследовательского метода ученого, подходов и принципов архивно-публикаторской работы и обозначившим многие ее центральные темы и главных героев. Это отнюдь не означает, что мы склонны абсолютизировать роль ГАХН в судьбе Гудзия. К 1922 году, когда ему исполнилось 35 лет, за его плечами уже был значительный педагогический опыт, одна монография и три десятка статей, публикаций и рецензий, посвященных, главным образом, истории славянских литератур XI–XVII веков (в том числе сочинений религиозного и апокрифического характера), а также творчеству Лермонтова, Пушкина, Гоголя и Тургенева.

Научный кругозор и тематические предпочтения Гудзия, и до того отличавшиеся исключительной широтой, параллельно с работой в ГАХН, приобрели еще более масштабный характер. «Магистральной» темой научной деятельности именно в эти годы и в следующие за ними десятилетия стало наследие Л. Н. Толстого. Параллельно Гудзием было сделано немало для изучения поэзии Тютчева, русского символизма (и специально — творчества Брюсова), истории филологической науки XIX–XX веков и для разработки многих других проблем, к которым он обращался на протяжении своего более чем полувекового исследовательского пути.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 74. Л. 19–19 об. Машинопись. Аннотация доклада в отчете о деятельности Литературной секции за 1928 год выглядит следующим образом: «Систематизация и оценка богатого материала высказываний Толстого о творчестве русских писателей с конца 18 до начала 20 в.» (Там же. Л. 50а).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-65-84

© А. В. ПИГИН

ДНЕВНИКИ Л. А. ДМИТРИЕВА И Е. А. МАЙМИНА: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАОНЕЖЬЕ В 1948 ГОДУ

Одним из наиболее крупных и интересных рукописных собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ является Карельское собрание, насчитывающее сегодня более 600 единиц хранения. Начало его формирования относится к предвоенному периоду, первые находки были сделаны сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры